

МОЙ ОТЕЦ

КНИГА 2

Наталья
КОРОЛЕВА

КОРОЛЕВ

Наталья Сергеевна Королёва

Королев. Мой отец. Книга 2

Серия «Портрет на фоне эпохи»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73859427

Королев. Мой отец. Книга 2:

ISBN 978-5-4484-5184-3

Аннотация

Издание посвящено жизни и трудам Сергея Павловича Королева, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, первого награжденного Золотой медалью им. К.Э. Циолковского. Выдающийся ученый и крупнейший конструктор в области ракетно-космической техники, С.П. Королев навеки вошел в историю, положив начало осуществлению, быть может, самой дерзновенной мечты человечества – мечты о покорении космоса.

В предлагаемой 2-й книге рассказывается о годах тяжелых испытаний – аресте, следствии, суде и заключении С.П. Королева, а также годах величайшего триумфа, когда была осуществлена заветная его мечта – запуск пилотируемых космических кораблей.

Автор – дочь великого конструктора, доктор медицинских наук, профессор Н.С. Королева – совершила настоящий подвиг, посвятив многие годы сбору и изучению богатейшего

фактического материала в 16 различных архивах, в том числе архивах Главной военной прокуратуры, Федеральной службы безопасности, Архиве Президента Российской Федерации, Российском государственном архиве новейшей истории, Российском государственном архиве социально-политической истории и др.

Для широкого круга читателей.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Прерванный полет	8
Глава девятая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	127

**Наталья Сергеевна
Королева
Королев
Мой отец
Книга 2**

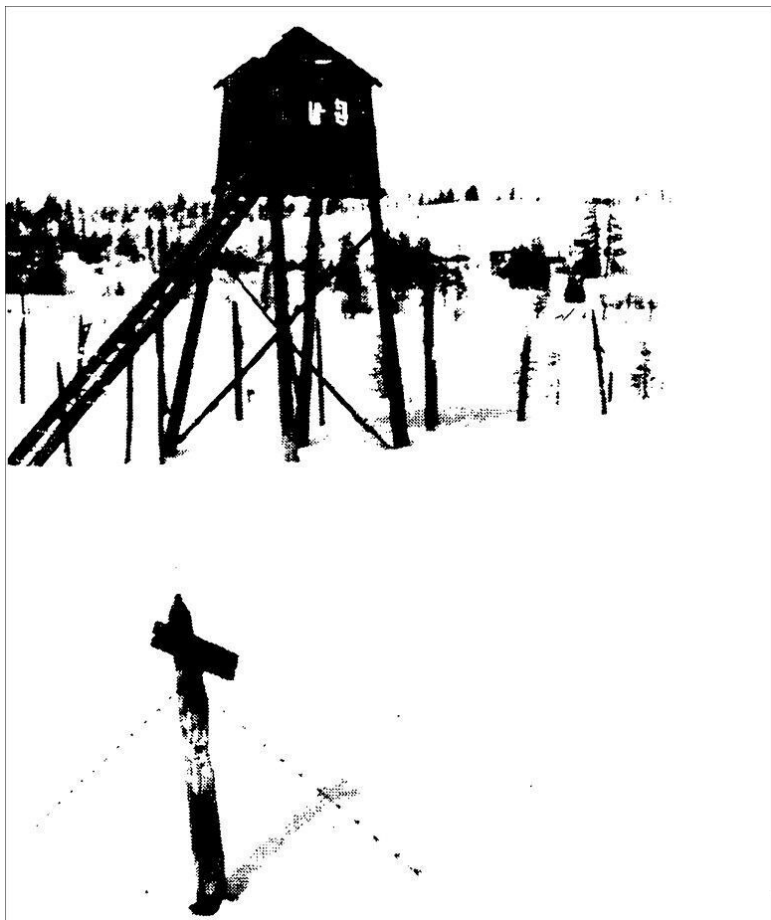

Владимир

© Королева Н.С., наследники, 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Прерванный полет

Глава девятая

Арест, суд, тюрьма

МОСКВА – НОВОЧЕРКАССК (1938–1939)

День 27 июня 1938 г. круто изменил жизнь отца и всей нашей семьи. Конечно, после ареста М.Н. Тухачевского и Р.П. Эйдемана, а потом И.Т. Клейменова, Г.Э. Лангемака и В.П. Глушко отец был почти уверен, что эта участь может постигнуть и его. Может, но ведь не значит, что обязательно должна. Человеку свойственно надеяться на лучшее, даже понимая, что все безнадежно.

Между тем в нашем доме на Конюшковской уже появились сургучные печати на входных дверях квартир, извещавшие об исчезновении на неопределенный срок их владельцев. Наступила пора мучительного каждодневного ожидания грозы, которая уже вряд ли могла пройти мимо.

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПОЛЬЗОВАНИЯ РАДИОПРИЕМНИКАМИ

ВСЕ
РАДИОПРИЕМНИКИ
И
ОТВОДЫ ОТ НИХ
ПОДЛЕЖАТ
ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ
РЕГИСТРАЦИИ

РАДИОПРИЕМНИКИ
И ОТВОДЫ
ДОЛЖНЫ БЫТЬ
ЗАРЕГИСТРИРОВАНЫ
В ГОРОДЕ — В 3-ДНЕВ-
НЫЙ СРОК СО ДНЯ
ИХ ПРИОБРЕТЕНИЯ,
В РАЙОНЕ — В 10-ДНЕВ-
НЫЙ СРОК

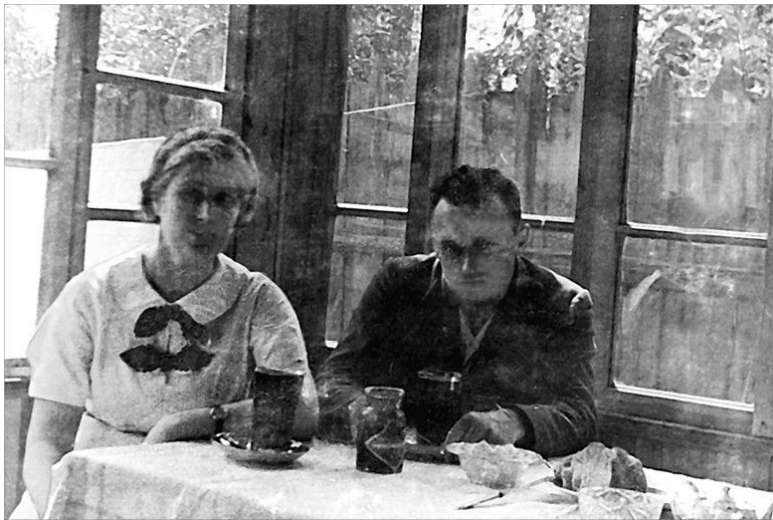

АБОНЕМЕНТАЛЬНАЯ ПЛАТА ЗА РАДИОПРИЕМНИКИ И ОТВОДЫ
ВНОСИТСЯ ЗА КАЖДЫЙ КВАРТАЛ ВПЕРЕД

РЕГИСТРАЦИЯ РАДИОПРИЕМНИКОВ И ОТВОДОВ,
А ТАКЖЕ ПРИЕМ АБОНЕМЕНТНОЙ ПЛАТЫ
ПРОИЗВОДИТСЯ ПО ВСЕМ ПОЧТОВЫМ ОТДЕЛЕНИЯМ

ВСЕСОЮЗНЫЙ КОМИТЕТ ПО РАДИОФИКАЦИИ И РАДИОРЕЦЕПЦИИ ЦК КПСРС

Патефонная пластинка, купленная С.П. Королевым в день ареста 27 июня 1938 г.

С.П. Королев с женой на даче у Ю.М. Винцентини. Пушкино, 25 июня 1938 г.

Последний снимок перед арестом. Фотография Ю.М. Винцентини

К.М. Винцентини (слева) на избирательном участке в больнице им. С.П. Боткина. Москва, 26 июня 1938 г.

В воскресенье, 26 июня 1938 г., состоялись первые в республике выборы в Верховный Совет РСФСР. Мама была членом избирательной комиссии в Боткинской больнице. А накануне мои родители гостили в подмосковном Пушкино на даче маминого брата Юрия Максимилиановича. Несмотря на усилия хозяев, веселого вечера не получилось. Настроение отца было мрачным, он был подавлен и молчалив.

В понедельник мама возвращалась с работы около 9 часов вечера. Подойдя к дому, она увидела фигуры двух мужчин, прогуливавшихся по улице и присматривавшихся к прохо-

жим. Мама рассказывала мне потом, как сжалось ее сердце. Она бросилась бегом на шестой этаж и со страхом постучала в дверь. Открыл отец. Он был один – мы с Лизой жили на даче в Барвихе. Увидев состояние жены, он обнял ее и тихо произнес: «Ну, это уже, видимо, за мной». На столе стоял патефон. Отец сказал, что продал облигацию и купил пластинку – на одной стороне «Метелица», на другой – «Во поле березонька стояла». Завел патефон, и они несколько раз послушали эти песни. А потом молча, не раздеваясь и не зажигая света, держа друг друга за руки, просидели до половины двенадцатого, когда среди ночной тишины раздался громкий стук в дверь. На вопрос «Кто?» сказали, что из НКВД. Отец открыл дверь. Вошли те двое, которых мама видела на улице. Третьим был управдом И.П. Чубаков, которого представили как понятого. Вошедшие – сотрудники НКВД Решетняк и Комиссаров – предъявили ордер на арест и обыск, подписанный С.Б. Жуковским. Его же подпись после слов: «Обыскать, арестовать» – стоит и на справке с грифом «Совершенно секретно», составленной начальником 7-го отдела 1-го Управления НКВД СССР майором государственной безопасности Л.И. Рейхманом еще 19 июня 1938 г. В справке говорится: «Следствием по делу антисоветской троцкистской вредительской организации в научно-исследовательском институте № 3 (Наркомат оборонной промышленности) установлено, что одним из активных участников этой организации является инженер института № 3 – Коро-

лев Сергей Павлович. В антисоветскую троцкистскую организацию Королев был привлечен в 1935 г. бывшим директором института № 3 Клейменовым».

СССР

Народный Комиссариат Внутренних Дел

ОРДЕР № 129

Июль 27 дня 1938 г.

дан

Государственной Безопасности
на производство

Решение № 2к
Ареста и обыска

Королева
Сергей Павловича

Конюшковская ул. Д. 28 кв. 11.

Народный Комиссар Внутренних Дел СССР

Начальник Второго Отдела
Управления НКВД СССР

Попытки

Ордер на арест С.П. Королева.

27 июня 1938 г.

Подтверждением этих обвинений якобы являлись показания «участников организации» Клейменова и Лангемака, по словам которых «практическая деятельность Королева, как участника антисоветской организации, была направлена на затягивание лабораторных и конструкторских работ по оборонным объектам с целью срыва их ввода на вооружение РК-КА».

Более чудовищные обвинения человеку, смыслом жизни которого являлась инженерно-конструкторская работа, трудно было придумать. Естественно, что он подпадал под 7-й и 11-й пункты 58-й статьи Уголовного кодекса РСФСР, принятого в 1926 г.: пункт 7 – подрыв промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения (т. е. вредительство) – до расстрела; пункт 11 – действия, готовившиеся организованно, или если обвиняемые вступили в уже действующую организацию (состоящую хотя бы из двух человек) – до расстрела. Таким образом, судьба моего отца была решена задолго до 27 июня.

А в тот злополучный вечер вошедшие обыскали отца, а затем усадили моих родителей на диван в большей комнате, запретив им вставать. Сами же начали перерывать все, что было в квартире. Они выбрасывали на пол немногочисленные вещи из платяного шкафа, содержимое ящиков письменного

стола, копались в белье, книгах и даже посуде. Мама видела, как один из них потихоньку спрятал себе в карман малахитовые запонки, которые подарил отцу на свадьбу Максимилиан Николаевич, но сказать об этом не решилась.

Потом сотрудники НКВД опечатали дверь кабинета отца и составили протокол с перечислением изъятых при аресте и обыске вещей. В их числе были документы отца: паспорт, военный и профсоюзный билеты, пилотское свидетельство, диплом пилота-планериста, удостоверение о награждении знаком «За активную оборонную работу» и сам знак, послужной список, 26 различных удостоверений и справок, а также папки с инженерными расчетами и чертежами, записные книжки, фотоаппарат, альбомы с фотографиями, облигации, деньги и даже сберегательная книжка моей мамы. Отцу предложили поставить подпись под протоколом и написать доверенность на получение последней зарплаты. Вставая с дивана, он повернулся к маме и обмер – перед ним сидела не молодая, красивая его жена с золотистыми волосами, а постаревшая за ночь женщина с измученным лицом и потухшим взглядом. «Да... Ты пережила эту ночь», – с грустью сказал он. Потом прочитал протокол и подписал его, возмущившись тем, что опечатана комната и отобраны деньги.

*М.Н. Баланина.
Москва, начало 1938 г.*

П А С П О Р Т

Действителен по

26.4.1942

1. Имя, отчество, фамилия

Сергей Павлович Королев

2. Время и место рождения

1906 г. Житомир

3. Национальность

Украинец

4. Социальное положение

Безработный

5. Постоянное местожительство

Москва

6. Отношение к военной службе

Воен. Конт. Служба

7. Собственноручный подпись владельца паспорта

С. Королев

МЦ

№ 747693

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ РАБОЧИХ
АВИАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ

№ 292735

ФАМИЛИЯ Королев

ИМЯ, ОТЧЕСТВО Сергей Павлович

ГОД РОЖДЕНИЯ 1906.

ПРОФЕССИЯ Инженер

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СТАЖ 1924

ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В СОЮЗ 1924

ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В ДАННЫЙ СОЮЗ 1937

ПОДПИСЬ ЧЛЕНА СОЮЗА С. П. Королев

НАИМЕНОВАНИЕ ПРОФОРГАНИЗАЦИИ ЦАК № 3 НКВД.

МЕСТО ОУЧ. КАРТОНЧИ	ПОДПИСЬ <u>С. П. Королев</u>	ДАТА <u>1938</u>	М. П.
---------------------------	---------------------------------	---------------------	-------

1	9	3	7
ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	9 руб. 4	ВЦСПС ЕДИНАЯ ПРОФАРМА
<i>Королев</i>		9 руб. 8	5 руб.
9 руб. 2		9 руб. 1	5 руб. 50 к
9 руб. 5	9 руб. 9	9 руб. 8	ВЦСПС ЕДИНАЯ ПРОФАРМА
9 руб. 2		9 руб. 1	5 руб.
ВЦСПС ЕДИНАЯ ПРОФАРМА	ВЦСПС ЕДИНАЯ ПРОФАРМА	ВЦСПС ЕДИНАЯ ПРОФАРМА	ВЦСПС ЕДИНАЯ ПРОФАРМА
5 руб.	5 руб.	5 руб.	5 руб.
5 руб.	5 руб.	5 руб.	5 руб.
5 руб.	5 руб.	5 руб.	5 руб.

При неуплате членских взносов в течение
3 месяцев членский билет недействителен.

Паспорт, военный и профсоюзный билеты С.П. Королева,
конфискованные во время ареста 27 июня 1938 г.

В результате в конце протокола была приписана фраза:
«Неправильно опечатана комната и взяты деньги – заявил
Королев».

Мама сказала, что не в состоянии ехать в институт за его зарплатой, и попросила написать доверенность на имя Марии Николаевны, что и было сделано. Около шести часов утра все формальности закончились и отцу предложили собираться. Мама подняла с пола пару белья, мыло, зубную

щетку и пасту. Все это было уложено в маленький фанерный чемоданчик. Отец надел кашне и свое единственное кожаное черное пальто. Они обнялись с мамой и попрощались. Последними его словами были: «Ты же знаешь, что я не виноват». Она пошла вместе с ним к двери, но дальше ее не пустили, заявив: «Не положено». В окно лестничной клетки она видела, что во дворе стояла машина, в которую его посадили и увезли.

Мама рассказывала мне, что, оставшись одна, даже не могла плакать, а только громко стонала. Случайно посмотрев в зеркало, она не узнала себя и ей стал понятен смысл фразы, сказанной отцом.

Немного успокоившись, она позвонила на Октябрьскую. Мария Николаевна и через много лет помнила совершенно чужой, незнакомый голос моей мамы, которая сказала: «Приезжайте, Сергея больше нет», – и повесила трубку. В ту минуту Мария Николаевна забыла и про неприятности у сына на работе, и про все переживания и страх ожидания его ареста, забыла все это и почему-то решила, что он застрелился, что уже мертв. Моментально собравшись, они с Григорием Михайловичем выбежали на улицу, поймали такси и помчались на Конюшковскую. Расплачиваясь с таксистом, Мария Николаевна дала ему лишние деньги и попросила подождать десять минут, пока они не узнают, что случилось. Где-то в глубине души теплилась надежда, что, может быть, сын только ранен и нужно будет привезти доктора. Таксист

обещал подождать, а Мария Николаевна и Григорий Михайлович бегом поднялись на шестой этаж. Когда мама открыла дверь, перед ними предстала жуткая картина: все было перевернуто вверх дном. Даже из шкафчика с лекарствами, стоявшего на кухне, выбросили на пол вату, бинты, пилюли, какие-то бутылочки. Первое, что вырвалось у Марии Николаевны: «Жив?» – «Да, жив, но арестован и его увезли», – последовал ответ. У нее отлегло от сердца, и она невольно сказала: «Слава богу». Мама вначале даже опешила: как можно благодарить бога, когда случилась такая катастрофа. «Вы что, с ума сошли или не поняли? Его нет, он арестован», – еще раз произнесла она. «Я все поняла. Он арестован, но жив, значит мы будем бороться», – сказала Мария Николаевна. Когда эти слова, так поразившие тогда мою маму, дошли до сознания, ей стало ясно, что не все потеряно, что есть слова бабушки не разойдутся с делом: трезво оценив произошедшее, будучи мудрым и сильным человеком, она сразу же бросилась спасать своего единственного сына. А тогда, утром 28 июня 1938 г., она молча ходила по квартире, с ужасом осматривая следы ночного погрома. Вместе с мамой они подняли с пола вещи и кое-как растолкали их по разным местам. Потом мама поехала на Лубянку. Из здания НКВД ее направили в приемную на Кузнецком мосту. На вопрос о причине ареста мужа последовал ответ: «Следствие разберется».

Несмотря на подавленное состояние и настроение, мама

поехала на работу в Боткинскую больницу. Придя в отделение, она почувствовала, что многие сослуживцы смотрят на нее с ужасом. Было видно: что-то произошло, случилась беда.

Надев белый халат, мама направилась к главному врачу больницы Б.А. Шимелиовичу. Именно он принимал ее на работу в 1932 г. по просьбе профессора В.Н. Розанова, с сыном которого в то время дружил отец. Собравшись с силами, она тихо сказала: «Сегодня ночью арестован мой муж». Он остановил ее словами: «Можешь больше ничего не говорить, я все понял» – и тут же вызвал секретаря партийной организации П.Ф. Нырову и председателя местного комитета Г.М. Нейштадт. Он сам рассказал им о случившемся, после чего мама спросила, что ей теперь делать. И они всем «треугольником» решили, что она должна работать, как и работала с декабря 1936 г., врачом-ординатором травматологического отделения и даже оставаться членом месткома, куда она была избрана и где выполняла функции руководителя производственного сектора. Все трое сказали, что для них никаких перемен в отношении нее не произошло. На этом разговор окончился, но мама запомнила его на всю жизнь и с чувством глубокой благодарности вспоминала о смелом для того времени решении руководства больницы. Это стало для нее большой моральной поддержкой.

Прощаясь с мамой, Б.А. Шимелиович сказал, что «таков наш век: сегодня ты, а завтра я». Слова его оказались проро-

ческими. Этот честный и порядочный человек был в начале 1949 г. безвинно репрессирован по делу о еврейском антифашистском комитете и в августе 1952 г. расстрелян.

Вечером на Конюшковскую приехали Софья Федоровна с Максимилианом Николаевичем и Мария Николаевна с Григорием Михайловичем. Надо было срочно решать целый ряд возникших в связи с арестом отца жизненно важных вопросов. Первый и главный из них – как ему помочь. В его невиновности никто из родных ни секунды не сомневался. Мама сказала, что не оставит мужа в беде и завтра же обратится в НКВД. Но Максимилиан Николаевич категорически заявил, что она не имеет права так рисковать, ведь у нее крохотная дочь, а бабушки и дедушки уже не молоды. В конечном счете семейный совет решил, что хлопотать в НКВД будет Мария Николаевна, поскольку матерей не трогали, и риска было меньше. А жен зачастую арестовывали вслед за мужьями, и потому маме было опасно вмешиваться, имея маленького ребенка. Деньги же отцу и, если возможно, передачи каждый месяц будет приносить мама, стараясь при этом узнать, в какой тюрьме он находится.

Атмосфера в Москве тогда была действительно жуткой. Арестовывали мужей, их жен и даже взрослых детей, а маленьких отсылали в детские приюты. В доме Марии Николаевны, где было восемь корпусов, не нашлось ни одного подъезда, около которого хотя бы раз не стоял «черный ворон». Поэтому необходимо было подстраховаться в отношении ме-

ня на случай возможного ареста мамы. Софье Федоровне предстояло заготовить и оформить через РОНО документы для моего удочерения, чтобы я, оставшись без родителей, не попала в детский дом. Возник вопрос и по поводу квартиры, которая была оформлена на отца. Сотрудники НКВД опечатали его кабинет, оставив нам с мамой одну комнату. Теперь ее следовало перевести на маму. О возвращении всей квартиры нечего было и думать. Несомненно, появятся соседи, но с этим уже ничего не поделаешь. Наконец, необходимо было подумать о том, на какие средства жить дальше. Все имевшиеся деньги и даже сберкнижку мамы забрали, а вещей, которые можно продать, в доме не было. Жили тогда небогато, так как отец зарабатывал немного, а мама, хотя и была занята абсолютно весь день, до ареста отца получала маленькую зарплату. Рассчитывать на материальную помощь дедушек и бабушек тоже не приходилось. Предстояло решить, как быть с моей няней Лизой. Мария Николаевна прислала ее на следующий день с дачи, и мама сказала ей, что денег нет и оплачивать ее труд нечем. Но Лиза в той ситуации проявила себя преданным другом нашей семьи. Она плакала и просила разрешить ей остаться, пусть без оплаты, лишь бы только вместе с нами. Лиза взяла на себя ведение хозяйства, всячески экономила деньги и освободила маму от очень многих дел по дому, благодаря чему она смогла поступить еще и на третью службу – взять ночные дежурства на «скорой помощи». Ежемесячно приходилось дежурить по

тринадцать – пятнадцать ночей. Это было очень трудно, но давало дополнительный заработок, чрезвычайно важный для бюджета семьи. Кроме того, иногда больница помогала тем, что при возникавшей необходимости подменить врачей на дежурстве (кто-то заболел или находился в отпуске) тут же ставили на это место маму, если она не была уже занята на «скорой помощи».

Утром 28 июня отца привезли в знаменитую Бутырскую тюрьму. Эта тюрьма хорошо известна не только в Москве, но и во всей стране. Она возникла на месте построенного в XVII веке острога, в котором еще при Петре I находились в заточении участники стрелецких бунтов. В конце XVIII в., при Екатерине II, по проекту архитектора М.Ф. Казакова здесь построили губернский «тюремный замок для содержания под стражей». В 1879 г. он был перестроен, расширен и стал вмещать свыше двух с половиной тысяч человек. Через эту тюрьму прошли народники, участники крестьянских восстаний, революционеры. В 1930-е годы она находилась в ведении НКВД, и камеры ее были переполнены жертвами «большого террора», среди которых оказался и мой отец.

По прибытии в тюрьму отец заполнил «анкету арестованного», в левом верхнем углу которой значилось «вредит.». В тот же день его сфотографировали анфас и в профиль и вызвали на допрос к следователю – сержанту госбезопасности Быкову. На вопрос: «Вы арестованы за антисоветскую деятельность. Признаете себя виновным?» – был дан ответ:

«Нет, не признаю. Никакой антисоветской деятельностью я не занимался».

Однако уже на следующий день отец подписывает заявление народному комиссару внутренних дел Н.И. Ежову, в котором сознается «в антисоветской вредительской деятельности». Почему? Позднее он напишет, что к нему применялись репрессивные меры (его унижали, избивали, издевались), но объяснить этим признание несуществующей вины невозможно, не такой он был человек. А объяснение оказалось простым, и отец сам рассказал об этом маме и Марии Николаевне той ночью в ноябре 1944 г., когда после освобождения впервые приехал на несколько дней из Казани в Москву. После того как другими методами воздействия заставить его признать себя виновным не удалось, следовательно применил психологический прием. Он заявил, что если отец сегодня не сознается, то завтра будет арестована его жена, а дочь отправлена в детский дом. Отец вспоминал тот ужас, который охватил его, когда он на секунду представил себе, какая участь грозит маме и мне, тогда трехлетней девочке. В том, что угроза может быть исполнена, сомнений не возникало. И он решил во имя спасения семьи соглашаться на допросы с любыми, пусть самыми абсурдными обвинениями, а на суде все отрицать и доказать свою невиновность.

Бутырская тюрьма в Москве. Фотография начала XX в.

Бутырская тюрьма. Корпус с угловой башней. Фотография начала XX в.

Бутырская тюрьма. Вид из камеры на Пугачевскую башню.

Фотография начала XX в.

Бутырская тюрьма. Одиночная камера. Фотография начала XX в.

Между тем следственная машина набирала обороты. 29 июня сотрудником НКВД Гордеевым в присутствии начальника первого отдела (секретной части) НИИ-3 П.М. Моисеева был произведен обыск по месту работы отца, изъяты его личное дело и служебные документы. В тот же день Мария Николаевна приехала на дачу, где находились Григорий Михайлович и я с няней. Слезы душили бабушку, и где-то в кустах она горько плакала. На следующее утро Григорий Михайлович сказал ей, что слезами горю не поможешь, что надо начинать действовать и что он набросал текст письма на имя Сталина. Его нужно внимательно прочесть, отредактировать, напечатать и отослать. Мария Николаевна с благодарностью согласилась, но ее тревожило, что она должна будет подписаться фамилией мужа, а ведь он работает и у него есть брат и племянники. Григорий Михайлович ответил, что не верит в виновность Сергея и поэтому полагает, что хлопотать надо, и неважно, что заявление будет подписано его фамилией. Оба брата Москаленко и их жены поддержали предложение Григория Михайловича.

АНКЕТА АРЕСТОВАННОГО

199

Душев

7059 471

1. Фамилия Каралев
2. Имя и отчество Сергей Тависов
3. Год рождения 1906г.
4. Место рождения г. Житомир
5. Местожительство (адрес) _____
Москва 69, Комюшковская ул. 28 кв. 4. Тел. Д-2-37-12
6. Специальность инженер-авиационная и металлург
7. Место последней работы, занимаемая должность, звание _____
Научно-исследов. Ин-т №3 НКВД
Старший инженер 2-го разряда
8. К какой общественной группе принадлежит к моменту ареста (к группе рабочих, служащих, колхозников, единоличников, кустарей, людей свободных профессий, служителей культа) _____
Служащие - ИТР

9. Паспорт Корпуса в. Москвы от 5-го отдела милиции № _____
(когда и каким органом милиции выдан, № паспорта и где прописан)

10. Партийность (в прошлом и настоящая) Безпартийный - Сталин в августе 1937г.
(указать стаж, когда исключен)

11. Национальность русский

12. Гражданство (подданство) СССР

13. Каким репрессиям подвергался при Совласти: судимость, арест и другие (когда, каким органом и за что) никогда не подвергался

14. Состав семьи (близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий) _____

1. Жена Виктория Ивановна Каралева. Адрес г. Житомир, ул. Гоголя, д. 10
2. Дети Татьяна Ивановна Каралева профессия Работница в конторе
3. Дети Владимир Иванович Каралев профессия Работник в конторе
4. Дети Сергей Иванович Каралев профессия Работник в конторе

Подпись арестованного Каралев

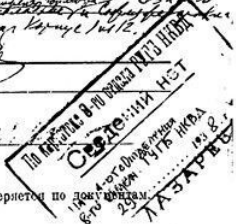
1. Кем и когда арестован _____

2. Квитанция № _____

Подпись сотрудника, подготовившего анкету Иванов

28/VI 1938 г.

ПРИМЕЧАНИЕ. Анкета заполняется четко, разборчиво и проверяется по документам.

*Анкета арестованного, заполненная С.П. Королевым.
Бутырская тюрьма, 28 июня 1938 г.*

В результате 15 июля родилось выстраданное бессонными ночами письмо И.В. Сталину, крик души матери, кинувшейся без оглядки на спасение самого дорогого ей человека. При чтении письма поражает ее осведомленность о творческой работе сына и его переживаниях. Это говорит об их душевной близости и доверии друг к другу, о том, что мать всегда была рядом с сыном – и в светлые, и в горькие минуты жизни.

«Товарищу СТАЛИНУ И.В.

Глубокоуважаемый Иосиф Виссарионович!

29/V с.г., при проверке одного из опытов над засекреченным объектом своих работ, был ранен с сотрясением мозга и доставлен на излечение в больницу им. Боткина (корпус 4) сын мой, один из ведущих инженеров Научно-Исследовательского Института № 3 Наркомата Оборонной Промышленности, Королев Сергей Павлович в возрасте 31 г.

Не закончив еще курса лечения, он 27/VI впервые зашел к администрации Института № 3 и в ту же ночь был арестован органами НКВД по ордеру № 129 от 27/VI с.г.

Мне неизвестны мотивы, послужившие причиной его ареста.

Зная, дорогой Иосиф Виссарионович, Ваше повседневное, исключительное внимание к авиации и отеческую забо-

ту о ее “гордых соколах-летчиках”, твердо уверенная, что Вы следите за развитием у нас дела реактивного полета, решила я обратиться лично к Вам.

Первая тюремная фотография С.П. Королева. Бутырская тюрьма, 28 июня 1938 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К ДЕЛУ № _____

1938 г. Чюкья мес. 28 дня. Я Ор. Ур. Зотг. Хотина / Ур.
(долж., наимен органа, фамилия)
Биков допросил в качестве _____

1. Фамилия Королев
2. Имя и отчество Сергей Павлович
3. Дата рождения 1906 г. р.
4. Место рождения г. Митишин
5. Место жительства Конюшковская ул. д. 28, кв. 11
6. Нац. и гражд. (подданство) русский, гр-н СССР

7. Паспорт Ч. 2401 № 161 об. экз.
(когда и каким органом выдан, номер, категор. и место приписки)

8. Род занятий Научно-исследовательский Институт хим. физ.
Ст. Инженер з/улей № 2.
(место службы и должность)

9. Социальное происхождение сын учителя, бедной отчаянной
(род занятий родителей и имущественное положение)
в 1926 г. отгаш пророссыя редкого Ин-та, имеет
учительника.

10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение):
 а) до революции на издательство водителей

б) после революции до 1929 г. имел в ВУЗе и багата на деньги
за водит. з/улей

11. Состав семьи жена - Валентина Кесель, Максимилиановна
(близкие родственники, их имена, фамилии, адреса и род занятий)
1928 г. до з. Рашка, русская, гр-ка СССР, стр. изд. изд-ва Бюро
Бодина, Лео-Катмар, имеет багачина с/ариз Антонина
188 г. до з. Кесель, отгаш багачина Зинаида (Анн. стр. до
Белин.

Протокол первого допроса С.П. Королева. Бутырская тюрьма, 28 июня 1938 г.

Сын мой не только летчик, но и инженер-конструктор авиа- и ракетных аппаратов.

Вот уже третья пятидневка, как он арестован, и я невольно вспоминаю его трудовую жизнь. Лет с 15-ти он уже начинает летать на планере, оканчивая среднюю школу, конструирует свой первый планер, одобренный специальной комиссией в Харькове, в 1931 г. на планере «Красная Звезда» его конструкции делается первая «мертвая петля», не знаю, первая ли она «мертвая петля» в мире, но во всяком случае первая в СССР, потом – увлечение идеей реактивных полетов – маленький кружок энтузиастов, в нем участвует известный профессор Цандер, сын – во главе, активная, деловая связь с Циолковским, им удастся получить какие-то крохи денег, организовать опытную мастерскую, сын, да, кажется, и все это ядро работают бесплатно, параллельно с основной службой. Сын не раз свою зарплату (жил он тогда у меня, только три последние года он живет со своей семьей отдельно) вкладывал временно туда, энтузиазм зажигал рабочих, проекты и опыты требуют времени – люди остаются на всю ночь, ночуют на столах.

12. Образование (общее, специальное) Высшее, инженер-
- механик.

13. Партийность (в прошлом и в настоящем) был соответствующим
ЧК, ТД, ИК, ТД, ИК, ТД 20 августа 1934, за особую деятельность.

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что):

а) до революции Нет.

б) после революции Нет.

15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.) при сов. власти

Нет.

16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете В.В.С. Т-И,
на учете в отделе в Октябрьском Р.В.К.

17. Служба в Красной армии (красн. гвардии, в партизан. отрядах), когда и в качестве кого Нет.

18. Служба в белых и др. к.-р. армиях (когда, в качестве кого)

Нет. В 1918, проживая в. Восток
на территории торговли близкой совместно с родными

19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях

Нет.

20. Сведения об общественно-политической деятельности

По линии ОСОА во время революции участвовал
при Совете создавая по Александрову.
В.В.С.

Протокол первого допроса С.П. Королева (продолжение)

Дело ладится, есть достижения, кружок реорганизуется в ГИРД (группа изучения реактивного движения) – сын во главе.

Сколько достижений, сколько творческих фантазий, сколько малых горестей и больших радостей!

Попутно он летает, тренируется как летчик-испытатель, готовится. Жутко мне было, сознаюсь, а сын шутил: “Полетим еще с тобой на Луну!”»

И вот в Московский ГИРД вливается Ленинградский и на базе Московского ГИРДа образуется РНИИ (Реактивный Научно-Исследовательский Институт), позже Институт № 3.

193 г.

Вопрос: Вы арестованы за антисоветскую деятельность. Признаете себя виновным?

Ответ: Нет не признаю никакой антисоветской деятельности и не занимаюсь.

Давид

Допросил: Ст. Уп. Золотых / Уп. Сергеев / Сергеев (Белов)

Подпись

Директором становится Клейменов из Ленинграда, сын теперь помощник – технический руководитель. С этого времени начинается горестная полоса в работе сына и в моей памяти.

Директор поначалу, что называется, «мягко стелет», но мало-помалу начинаются трения, и я слышу горькие сетования сына, что методы административного руководства вызывают явное недовольство сотрудников, падают темпы работы, планы уже не выполняются, падает прежний энтузиазм, против некоторых мероприятий сын вынужден категорически возражать и т. д. Последовало неожиданное для сына устранение его от должности технического директора – возвратясь из отпуска, прочел на стене приказ.

Казалось бы, естественно обидеться и уйти, но сын рассуждал, что дело дороже. Здесь все условия для работы, квалифицированный коллектив, оборудование – решил уйти целиком в творческую работу и остался в должности старшего инженера.

Конструкторская группа под его руководством скоро развернулась в обширный отдел и сын волей-неволей был поставлен во главе его.

Назначенный техническим директором ленинградец Лангемак держался корректно. Сын примирился, полагая, что Институту действительно нужен для дела военный специа-

лист.

Однако этим не кончилось, как из рога изобилия посыпались неприятности, сегодня одно, завтра другое, доносы – то в ОГПУ, то по линии Наркомвоенмора.

Тяжела была обстановка! Сотрудникам сына, помнится, тоже доставалось. Люди стали разбегаться. Помню, сын старался сохранить кадры, уговаривал, убеждал остаться.

А сына все теснили, то сюда вызывают, то туда – по доносам или жалобам (не знаю, как назвать) директора Клейменова.

Но директору Клейменову не удалось “выжить” сына. Дело дошло до Комиссии Советского Контроля. Здесь сын все высказал, что наболело. Помнится, Куйбышев лично решал это дело, советовал примерно так: директору – бережно относиться к молодым специалистам и создать им необходимые для работы условия, а сыну – сдерживать свой характер (в характере сына нет угодничества, и подчас он резок).

Сыну внешне работать как будто стало спокойнее. Клейменов дал сыну партийные рекомендации, сын принят был в ряды сочувствующих, вел кружки.

Но все же велась, по-видимому, какая-то тактика исподволь.

Когда был брошен намек на преступную связь с врагами народа, когда Клейменов забрал свою партийную рекомендацию, когда сын был исключен из сочувствующих – на что здесь была ставка? Общественность настораживается, обста-

новка сгущается. А между тем вскоре арестовывают самого Клейменова.

Но тень уже брошена! Разве сыну кто-либо в Институте даст теперь необходимые для работы партийные рекомендации? Конечно нет! Их надо искать на стороне.

Иосиф Виссарионович! У меня ведь никаких фактов в руках, мне ведь, слушая сетования сына, видя его расстроенным, взволнованным, в голову не приходило запоминать хотя бы имена кого-то в парткоме, кого-то на производственном совещании!

Чаще всего слышала фамилию инженера Костикова, у меня с ним ассоциируется недоразумение целых годов у сына.

Инженер этот появился как будто вскоре после организации РНИИ, точно не знаю.

Кажется, они не пришлись друг другу по душе. Сын считал его не особо сведущим в области их работы; годы производственной работы это как будто подтвердили. Тем не менее он продвигается по служебной лестнице.

Сын, прямой и резкий, никаких кривотолков, никаких передергиваний фактов и виляний не терпел, и когда все ежились и молчали, он выступал и защищал себя или другого, если считал его правым.

К человеку с таким характером, ясно, два отношения: либо враждебность и подковырка, либо симпатия – явная или скрытая. Какой-то рабочий рассказывал сыну о том, что он слышал, как инженер Костиков требовал у нового директо-

ра снятия с работы сына, на что директор возражал, что раз НКВД его не сняло, у него нет оснований делать это.

Все же при новом директоре и его техническом заместителе Костикове происходит снижение по должности – сын больше не заведующий отделом.

Но ведь пришел директор Слонимер, новый человек, спрашиваю сына, как теперь работаете, и слышу в ответ: лучше, но ненамного. Костиков ведь рядом – он ближе к директору, чем я.

А работа? 7 лет упорного труда, где все – опыт и умозаключение. Ни моральные удары, ни тяжелая обстановка не сломали его энергию. Упорно работает, убежден глубоко, что скорое завершение работы докажет реальность поставленной задачи, правильность метода, само собой рассеет тягостную обстановку. Он у цели! Раненый, окруженный врачами больницы, он негодует, что должен лежать, когда в работе остались последние штрихи. Он надеялся закончить ее к торжественному дню выборов – 26 июня.

Сын был так скуп всегда в своих разговорах о работе, что фактов у меня нет никаких, повторяю.

Написать тов. Ежову что-то конкретное я не могу.

Это все мои воспоминания о разговорах, мои впечатления. Я даже хронологическую точность событий утверждать не могу.

Это то, что мы вместе перестрадали, и я считаю абсолютно неправдоподобным и психологически невозможным, что-

бы сын – человек независимый и прямой, в течение 5–6 лет лгал, придумывал, играл комедию, рассказывая мне, своей матери, об обстановке его работы и взаимоотношениях, тормозящих ее.

Разговоров о работе, она ведь секретна, он вообще не допускал, но из отдельных каких-то штрихов у меня создалось впечатление, что работа нова, трудна, литературы нет, даже старые профессора много не помогут, но она день за днем движется вперед, что мечта стольких лет его жизни воплощена в этот объект, что это будет новое мировое достижение, новая слава родине, что она имеет исключительное значение.

Сын мне как-то сказал, что он имеет основание думать, что сам товарищ Сталин интересуется этой работой.

Сын готовился предъявить в ближайшее время Правительственной Комиссии свои достижения. И в такой момент, к несчастью, сын был ранен при личной проверке опыта.

Сын не любит слез, и я, дорожа его дружбой, держусь бодро, приходя в больницу, но страх за него жив. И вот он сказал как-то мне: “Ты не горюй, мама, если даже мои опыты окончатся трагически для меня, дело новое! Я в него вложил жизнь и не жалею! Но зато, в случае удачи товарищ Сталин скажет: у нас не было реактивной техники, теперь она у нас есть!”

И я спрашиваю себя все эти дни: как же получилось, что такая работа протекала в такой неестественной обстановке,

работа, которая имеет сейчас, может быть, действительно особое значение, – обрывается почти в момент ее завершения? Почему не дали ее завершить? Виноват ли здесь действительно сын, или... не смею делать никаких умозаключений. Тов. Ежов и не такие клубки распутывал!

Я понимаю значение большевистской бдительности, дорогой Иосиф Виссарионович, и только хочу знать, где же истина?

Вас же, дорогой Вождь и Учитель, прошу об одном – об ускорении производства расследования по делу моего сына Королева С.П. и о смягчении условий заключения в этот период, т. к. ко времени ареста он находился еще на больничном листе, не успел оправиться от перенесенного им сотрясения мозга, и т. к. повышенные нервные переживания и потрясения в этом состоянии могут оказать пагубные результаты на его творческие способности и на его силы как летчика-испытателя.

Москва, Октябрьская ул. д. 38 кв. 236

Баланина М.Н.

(по первому браку Королева)

15/VII-38 г.».

Письмо Сталину послано заказным, но дошло ли оно, получил ли он его, прочел ли? На эти мучительные вопросы нет ответа, и 19 июля 1938 г. Мария Николаевна вдогонку за письмом шлет Сталину телеграмму. Она умоляет срочно провести расследование и спасти ее сына.

21 июля Мария Николаевна посылает наркому внутренних дел Н.И. Ежову телеграмму, а 23 июля опускает в ящик Приемной НКВД на Кузнецком мосту заявление на его имя с просьбой о скорейшем расследовании дела сына. Через две недели письмо Ежову поступило в 1-й Спецотдел НКВД.

2 июля 1938 г. отца перевели из Бутырской тюрьмы во Внутреннюю тюрьму НКВД. Она располагалась во внутреннем дворе дома № 2 на Лубянской площади, откуда и получила свое название. В прошлом два этажа здания представляли собой гостиницу страхового общества «Россия». Позднее были надстроены еще четыре этажа. На крыше тюрьмы имелся так называемый прогулочный двор, куда узников поднимали на грузовом лифте или вели мрачными лестничными маршами. В Инструкции по управлению Внутренней тюрьмой Управления делами Особого отдела ВЧК, утвержденной 29 марта 1920 г., отмечалось: «Внутренняя (секретная) тюрьма имеет своим назначением содержание под стражей наиболее важных контрреволюционеров и шпионов на то время, пока ведется по их делам следствие, или тогда, когда в силу известных причин необходимо арестованного совершенно отрезать от внешнего мира, скрыть его местопребывание, абсолютно лишить его возможности каким-либо путем сноситься с волей, бежать и т. п.». Подследственным не разрешались переписка с родственниками, чтение свежих газет и журналов, пользование письменными принадлежностями. В тюрьме было 118 камер на 350 мест, из них 94 оди-

ночных (на 164 человека) и 24 общих (на 6–8 человек). Стены между камерами имели воздушные полости, поэтому узники не могли перестукиваться друг с другом, используя «тюремный телеграф». Они не могли также определить расположение своего застенка, поскольку номера камерам присваивались не по порядку, а вразнобой. Таким образом, пребывание во Внутренней тюрьме обеспечивало полную изоляцию заключенного. Вот в такую тюрьму и был переведен отец под порядковым номером 1442. 10 июля ему объявили «Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения». В нем оперуполномоченный Быков «изобличал» отца в том, что тот «является активным участником антисоветской троцкистской вредительской организации, проводившей подрывную деятельность в НИИ № 3». Мерой пресечения было избрано содержание под стражей в Бутырской тюрьме, куда отца вновь перевели 8 августа 1938 г. Но до этого, 20 июля, в деле появился еще один документ – акт, характеризующий работу С.П. Королева и В.П. Глушко в НИИ-3 в течение пяти лет. Он был подписан инженерами А.Г. Костиковым, Л.С. Душкиным, М.П. Каляновой и А.Н. Дедовым и представлял собой по существу обвинительное заключение. Читая его, я не переставала удивляться, как могли коллеги после совместной многолетней работы буквально добивать своих товарищей, зная, что им грозит после ареста. Конечно, подписавшие акт были несвободны в своих, скорее всего навязанных органами НКВД действиях, но все же... Как можно

было написать, что многолетняя работа В.П. Глушко и моего отца, «рекламировавшаяся в течение ряда лет как успешная, оказалась совершенно неудовлетворительной и непригодной для решения задач, поставленных перед НИИ-3 в области освоения и применения жидкостных ракетных двигателей и ракетных летательных аппаратов»?! В этом же акте приведены материалы, характеризующие действия – вначале В.П. Глушко, а затем С.П. Королева. Эти материалы просто уничтожающие: «Методика работы Королева была поставлена так, чтобы сорвать выполнение столь серьезных заказов путем создания определенных трудностей, запутывания существа дела ведением кустарного метода работы и непроизводительным расходом средств». Все перечисленные факты сводились к одному выводу: умышленное вредительство. Разумеется, этот акт давал в руки следователям как бы «дополнительные доказательства» вины отца, хотя им, убежденным в его виновности еще до ареста, это вряд ли было необходимо – ведь сколько заключенных (И.Т. Клейменов, Г.Э. Лангемак и множество других) они отправляли на гибель без всяких подобных «актов». Кстати сказать, в ту счастливую и вместе с тем ужасную ночь своего первого приезда из Казани в Москву отец, рассказывая близким о злоключениях последних лет, вспоминал, как ему дали прочесть выдержки из этого акта и как он был потрясен искажением фактов и явной ложью.

3

763

МОСКВА

42-отд.

СРОЧНАЯ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ заказное

МОСКВА - КРЕМЛЬ

товарищу

СТАЛИНУ

ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ

Москва Октябрьская ул. д. 38 кв. 236 Баланина М.Н.

Конверт письма М.Н. Баланиной И.В. Сталину. 15 июля 1938 г.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
СВЯЗИ СССР**

ПРИЕМ и.пор. № _____ от _____ Вл. № _____ Почта № _____		ПЕРЕДАЧА _____ го _____ ч. _____ Г. О. № _____ Передал _____	Адрес _____ 22 июля 1938 _____
---	---	--	--------------------------------------

Москва 39/5 82 19 8.41 = ВРУЧИТЬ СТАРШЕМУ — МОСКВА КРЕМЛЬ СТАЛИНУ =
 ДОПОЛНИТЕЛЬНО МОЕМУ ПИСЬМУ 15 ИЮЛЯ СЕГО ГОДА ДЕЛУ СЫНА КОРОЛЕВА СЕРГЕЯ
 ПАВЛОВИЧА ЗПТ РАБОТАВШЕГО ИНСТИТУТЕ НОМЕР ТРИ НКВД АРЕСТОВАННОГО ОРГАНИ
 НКВД МОСКВЕ 27 ИЮНЯ СЕГО ГОДА ТЧК УБЕДИТЕЛЬНО ПРОШУ СРОЧНО ОЗНАКОМИТЬСЯ
 ПИСЬМОМ ТЧК СЫН МОЙ НЕДАВНО РАНЕНЫЙ С СОТрясением МОЗГА ИСПОЛНЕНИИ
 СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ НАХОДИТСЯ УСЛОВИЯХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЗПТ КАКОВЫЕ
 СМЕРТЕЛЬНО ОТРАЗЯТСЯ ЕГО ЗДОРОВЬИ ТЧК УМОЛЯЮ СПАСЕНИЯ ЕДИНСТВЕННОГО
 СЫНА МОЛОДОГО ТАЛАНТЛИВОГО СПЕЦИАЛИСТА ИНЖЕНЕРА РАКЕТЧИКА И ЛЕТЧИКА
 ПРИНЯТЬ НЕОТЛОЖНЫЕ МЕРЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛА ТЧК = МАТЬ КОРОЛЕВА МАРИЯ
 БАЛАНИНА МОСКВА ОКТЯБРЬСКАЯ 38 КВАРТИРА 236.

28084к

Телеграмма М.Н. Баланиной И.В. Сталину. 19 июля 1938 г.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ СВЯЗИ СССР

121

ПРИЕМ 21 го ч. м. пор. № 17 18 от 17 40 бл. № 47/48 039		ПЕРЕКЛАДКА го ч. м.	Адрес МОСКВА	С П 1
КОРОЛЕВА		в Г. О. №	НАРКОМВНУДЕЛ ТОВАРИЩУ ЕЖОВ	
№ 39/162 85 21 17 07 ВРУЧ СТАРШЕМУ		Передал	12714 № 26-514 156985	
ТЕКСТ ДОПОЛНИТЕЛЬНО МОЕМУ ПИСЬМУ ОТ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ИЮЛЯ СЕГО ГОДА ЗПТ ОПИЩЕННОМУ ДВАДЦАТОГО ИЮЛЯ ВАШ ЯЩИК КУЗНЕЦКОМ МОСТУ ЗПТ ДЕЛУ СЫНА МОЕГО КОРОЛЕВА СЕРГЕЯ ПАВЛОВИЧА ЗПТ РАБОТАВШЕГО ИНСТИТУТЕ НОМЕР ТРИ НКВД ЗПТ АРЕСТОВАННОГО ОРГАНАМИ НКВД МОСКВА ДВАДЦАТИ СЕДЬМОГО ИЮНЯ СЕГО ГОДА ОРДЕРУ 129 БУДУЧИ ЕЩЕ БОЛЬНИЧНОМ ЛИСТЕ ПОСЛЕ РАНЕНИЯ С СОТРАСНЕНИЕМ МОЗГА ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ТЫМ УМОЛЯЮ ОЗНАКОМИТЬСЯ ПИСЬМОМ И ПРИНЯТЬ МЕРЫ НЕОТЛОЖНОМУ				
24-25/2.				

ПРИЕМ		ПЕРЕДАЧА		Адрес
го ч. м. пор. №		го ч. м.		
от Бл. №		в Г. О. №		
Принял		Передал		
Из				
№	сл.	го	ч. м.	
Т Е К С Т				
РАССЛЕДОВАНИЮ ДЕЛА МОЕГО ЕДИНСТВЕННОГО СЫНА МОЛОДОГО СПЕЦИАЛИСТА				
ИНЖЕНЕРА КОНСТРУКТОРА РАКЕТЧИКА И ЛЕТЧИКА МАТЬ КОРОЛЕВА МАРИЯ БАЛО				
=НИНА ОКТЯБРЬСКАЯ 38 КВАРТИРА 236;				

Телеграмма М.Н. Баланиной Н.И. Ежову. 21 июля 1938 г.

СЕКРЕТНО

СЕКРЕТАРИАТ НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

1-й Следотдел НКВД СССР. По учета
Вх. № 43803 3/8. июль 1938 г.
№ 1061/4
Секретариата НКВД СССР
Кому капитану государственной безопасности т. Зушкину

Направляю полученное на имя Народного комиссара внутренних дел СССР Генерального комиссара государственной безопасности тов. ЕЖОВА заявление Палаиной М. П. в дополнение к

нашему № 1061/4 от 23-7 38г.

Результаты прошу сообщить секретариату НКВД, возвратив заявление.

Нач. 2-го отделения Секретариата НКВД СССР
Ст. лейтенант госуд. безопасности

В

НКВД

Тов.

По данным УАО значится
арест 28/6-387 м. д. 19908-40штб / 2016
Полит. дел.

Начальник 3 отдел. УАО ГУГБ НКВД

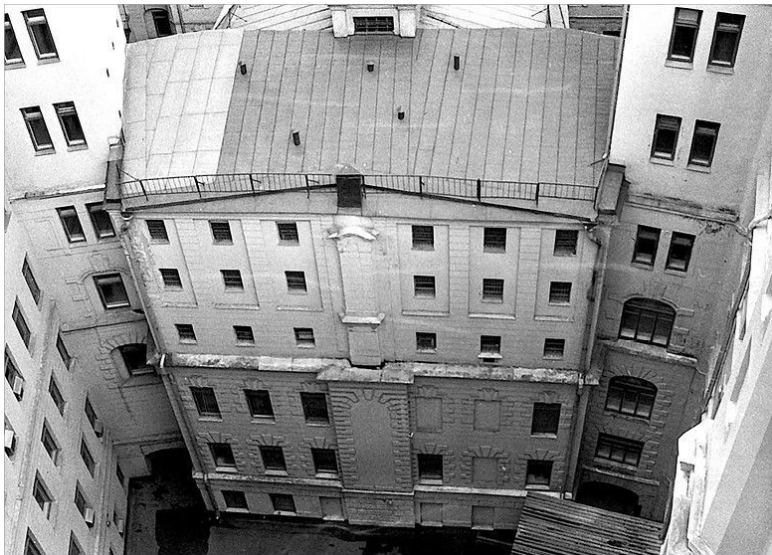
14/8

Справку наводил (подпись):

193

ГЛОТОВА

Сопроводительная служебная записка к заявлению М.Н. Баланиной на имя Ежова. Москва, 2 августа 1938 г.

Внутренняя тюрьма НКВД «Лубянка» в Москве. Фотография 1980-х годов

Коридор Внутренней тюрьмы НКВД. Фотография 1980-х годов

А наша жизнь продолжалась. До конца лета я жила на даче с Марией Николаевной, Григорием Михайловичем и Лизой и, конечно, ничего не знала о катастрофе, случившейся в нашей семье. Мне говорили, что мой папа – летчик, у него важная работа и он уехал в командировку. Эти же слова я повторяла детям, с которыми играла. Мама старалась в выходные дни хоть на несколько часов приезжать на дачу, чтобы побыть со мной. В то время это было непросто, так как поезда на паровозной тяге ходили медленно и с большими ин-

тервалами. Обычно по выходным пассажиров бывало очень много, приходилось стоять, но мама, хронически недосыпавшая, умудрялась спать даже стоя и только просила ее вовремя разбудить, чтобы не проехать свою остановку. Вечером она всегда возвращалась в Москву.

УТВЕРЖДАЮ

12

Июль 1938 г.

Постановление

об избрании меры пресечения и предъявления обвинения

Город Москва 1938 г. Июль 10-го дня

Я, Ол. Урванков Брыков (должность и фамилия) Отд-ния Земельный отдела

Управления Труда Главного Управления НКВД

рассмотрев следственный материал по делу № 19998 и приняв во внимание,

что гр. Королев Сергей Павлович, 1906 г. р.

ур. г. Житомир Б. Украинского округа. Репроду-

кционный Институт № 3

достаточно изоблачается в том, что

являясь активным деятелем
анти советской троцкистской организации,
проводившей подрывную работу
в ИИ-ИВ.

ПОСТАНОВИЛ:

гр. Королева С. П. привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст.

58 и 7, 11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда

избрать содержанием под стражей в Бутырской тюрьме

Уполномоченный

„СОГЛАСЕН“

Нач. 3 Отд-ния Земельный

Настоящее постановление мне объявлено 10-го Июль 1938 г.

Подпись обвиняемого

Постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения С.П. Королеву. 10 июля 1938 г.

*К.М. Винцентини на даче. Барвиха, июль 1938 г.
Фотография Ю.М. Винцентини*

Наташа Королева.

2 августа 1938 г.

В первое время после ареста мужа мама боялась, что ее тоже арестуют и, если это случится при мне, она не переживет. Постоянно носила в портфеле на всякий случай две смены белья. В летние месяцы 1938 г., когда она не дежурила и ночевала дома, к ней каждый вечер поднимался Ю.А. Победоносцев, живший в том же подъезде на первом этаже, и оставался в квартире до часа ночи, чтобы ей не было так страшно одной. Позже этого времени обычно не арестовывали, и он уходил к себе. Там, в коридоре под зеркалом, у него на всякий случай тоже стоял чемоданчик. В нем весьма наивно были сложены полотенце, носовые платки, носки, подушечка и другая первоочередная мелочь – на случай возможного ареста, исключить который тогда никто не мог.

Зная, что у мамы почти ничего нет, Юрий Александрович, приходя к ней, всегда приносил с собой печенье или другое лакомство. В то время это было самым дорогим для нее угощением, а главное, она чувствовала дружескую поддержку и с благодарностью принимала ее. В этой поддержке мама тогда очень нуждалась, потому что положение ее, как жены арестованного, оставалось незавидным. Люди, которые еще недавно стремились с ней встретиться, пожать руку, улыбнуться, поговорить, теперь стали ее избегать, переходили на другую сторону улицы, делая вид, что не замети-

ли, – ведь она была женой «врага народа», а в то время не только дружба, но даже простое общение с родственниками репрессированных было чревато опасными последствиями. Да и на работе многие стали сторониться ее, боясь проявить участие, а некоторые даже отказывались под тем или иным предлогом ассистировать ей на операциях. В доме от нее все шарахались и старались быстрее пройти мимо. Вначале маме было очень горько, обидно, но потом она решила, что все это нужно пережить. Не давала покоя еще одна боль, которую мама перенесла, по ее словам, благодаря советам одного из своих учителей, крупного хирурга Т.П. Ларина. Дело в том, что нашлись «друзья», которые не верили, что она, такая молодая и красивая, оставшись без мужа, живет одна. Мама очень переживала, пока Георгий Петрович не убедил ее успокоиться и перестать реагировать, после чего эти разговоры прекратились сами собой. Несмотря на все неприятности, никто никогда не видел ее слез, никто не знал, что ей живется плохо и в любое время может стать еще хуже. Она собрала в кулак всю волю, все душевные силы и мужественно переносила удары судьбы.

Еще одним таким ударом был неожиданный визит А.Г. Костикова, который пришел к нам домой вскоре после ареста отца и предложил поменяться с ним жилой площадью. Он тогда жил на Петровке в бывшем «митрополичьем» доме, где отцу ранее предлагали комнату в огромной коммунальной квартире. Мама очень удивилась такому предложению.

нию – ведь у нас осталась лишь одна маленькая комната, а другая была опечатана. Но Костиков заявил, что это его не смущает, что он сумеет добиться снятия печати НКВД, а ей нечего рассчитывать на возвращение мужа. Он пробыл около двадцати минут, держался вначале вежливо, затем дерзко и вызывающе, но мама ответила категорическим отказом. Сразу после его ухода она позвонила свекрови. Когда Мария Николаевна приехала, мама была очень расстроена. Бабушка, как могла, утешала и ободряла ее, уверяя, что отец обязательно вернется, а из квартиры ее никто не выселит.

На другой день Мария Николаевна специально поехала на Петровку, чтобы понять причину прихода А.Г. Костикова и его странного предложения. Оказалось, что хотя его комната превосходила по размерам нашу, но в том доме была коридорная система и он, видимо, искал пути переезда в отдельную квартиру.

Григорьев

в охранении изгнаний по делу в 1928
на Коповца Сергея Васильевича

суд Ф от 1928

Его мне мне известно, что следствие по моему
делу закончено и оно будет направлено на рассмотрение
Генерал Комиссии Верховного суда Союза ССР.
В мае-июне следствия, а также технического
комиссии от 20 мая 1928. по моему делу
закончено.

Ваше постановление изгнаний и в нем не
содержит ничего.

Намного благодарно

Врагаш

в охранении изгнаний объявил

нам под Григорьевым Григорьев
исключением вое Бегон.

Менд.

*Протокол об окончании следствия по делу С.П. Королева.
Москва, 7 августа 1938 г.*

Акт

79

на уничтожение материалов абсика
арестованного Королева С. П. сур. дом № 1910.

7го августа 1938 года. г. Москва.

Мы, пош. ноз. Замр. 4го судна 7го
Управления НКВД СССР Лейтенант
2ос. Бегов. Шестанов и оперуполно-
моченный этого же судна Сервант
2ос. Бегов. Билов рассмотрев мате-
риалы абсика изъятые у Королева С. П.
при его аресте
нашли:

что материалы абсика арестованного
Королева С. П. безответственными дока-
зательствами и материалами след-
ствия не выявляют, а также не
имеют никакой ценности, а потому
мы, указанные материалы абсика,
логично ст 69 п. 3. УК РСФСР —
уничтожили.

Пош. ноз. Замр. 4го судна 7го Управления НКВД СССР
Лейтенант 2ос. Бегов. Шестанов

Оперуполном. Замр. 4го судна 7го Управления НКВД СССР
Сервант 2ос. Бегов. Билов

Акт об уничтожении материалов обыска, изъятых у С.П. Королева при его аресте. Москва, 7 августа 1938 г.

Вскоре после ареста отца мама позвонила В.Н. Топору, который давал ему рекомендацию в сочувствующие партии, чтобы сообщить о случившемся. Встреча состоялась в сквере у Тишинского рынка, так как встречаться у него, а тем более у себя дома, мама считала опасным. Валентин Николаевич, узнав о нашей беде, взволновался, старался подбодрить маму и просил о нем самом не беспокоиться. Он сказал, что не верит обвинениям и убежден, что Сергей ни в чем не виноват. В дальнейшем его неоднократно «обсуждали» на партбюро и партсобраниях, требовали, чтобы он покаялся в даче рекомендации «врагу народа». Его понизили в должности и вынесли выговор с занесением в учетную карточку. По истечении пятилетнего срока выговор был снят автоматически, и впоследствии Валентин Николаевич даже гордился им. Он навсегда остался другом нашей семьи, любил меня как дочь (у него было два сына), ежегодно доставал мне билеты на Елку в Колонный зал Дома союзов и старался помочь нашей семье всем, чем только мог.

После ареста отца мама получила разрешение передавать ему деньги – 50 рублей один раз в месяц или два раза по 25. Она предпочитала делать это именно дважды, чтобы таким образом узнавать, не отправлен ли он из Москвы. В те трудные дни и без того нелегкой жизни необходимо было

не позднее семи часов утра приехать к Бутырской тюрьме, где обычно уже собиралась толпа – в основном женщины. Внутри запускали всех сразу. Обстановка ожидания – угнетающая. Люди молчали. Когда-то у стен небольшого помещения стояли скамейки, потом администрация тюрьмы, по видимому, решила, что это слишком большая роскошь для родственников «врагов народа», и скамейки убрали. Теперь приходилось стоять, переминаясь с ноги на ногу или опираясь о стену.

Вызывали по алфавиту. На букву «К» было очень много заключенных, в том числе и Королевых. Когда наконец подходила очередь мамы, она предъявляла свой паспорт и свидетельство о браке (так как носила другую фамилию), после чего сдавала деньги. Иногда на это уходил весь день, и она, вконец измученная, выходила на улицу поздно вечером. Но ее поддерживала мысль: раз деньги взяли, значит, муж жив и он в Москве. Родные боялись, что маму могут не выпустить обратно, и у выхода из тюрьмы ее всегда ждали Максимилиан Николаевич и Софья Федоровна или Мария Николаевна. Если бы, не дай бог, она не вышла оттуда, Софья Федоровна должна была немедленно удочерить меня. Все бумаги для этого подготовили заранее.

Тем временем следствие по делу отца подходило к концу. 4 августа его вызвали на очередной допрос, во время которого следователи Шестаков и Быков предъявили ему все те же обвинения в принадлежности к антисоветской троцкистской

вредительской организации, которая якобы ставила «своей целью сорвать вооружение Красной Армии новыми образцами вооружения и тем самым подготовить ее поражение в случае войны». Отец подписал машинописный текст протокола допроса с этими абсурдными обвинениями, так как понимал, что спорить и доказывать обратное равносильно тому, что биться головой о стену.

7 августа 1938 г. отцу объявили, что следствие по его делу закончено и дело будет направлено на рассмотрение Военной коллегии Верховного суда Союза ССР. Именно там он собирался рассказать правду, привести неоспоримые доказательства своей невиновности, наивно полагая, что будет внимательно выслушан, понят и, конечно, освобожден.

В тот же день сотрудники НКВД Шестаков и Быков составили акт об уничтожении материалов обыска, изъятых при аресте отца. Конечно, для НКВД пакет с инженерными расчетами отца, его записная книжка или альбомы с семейными фотографиями ценности не представляли, а ведь в них была его жизнь. Но вершителям судеб людей требовалось только одно: заставить арестованного «сознаться» в сочиненных ими «грехах».

25 августа 1938 г. Прокурор Союза ССР А.Я. Вышинский утвердил обвинительное заключение по делу отца, заканчивавшееся словами: «...Королев Сергей Павлович, 1906 г. рождения, урож. гор. Житомир, русский, гр-н СССР, беспартийный, по происхождению сын учителя, до ареста инженер

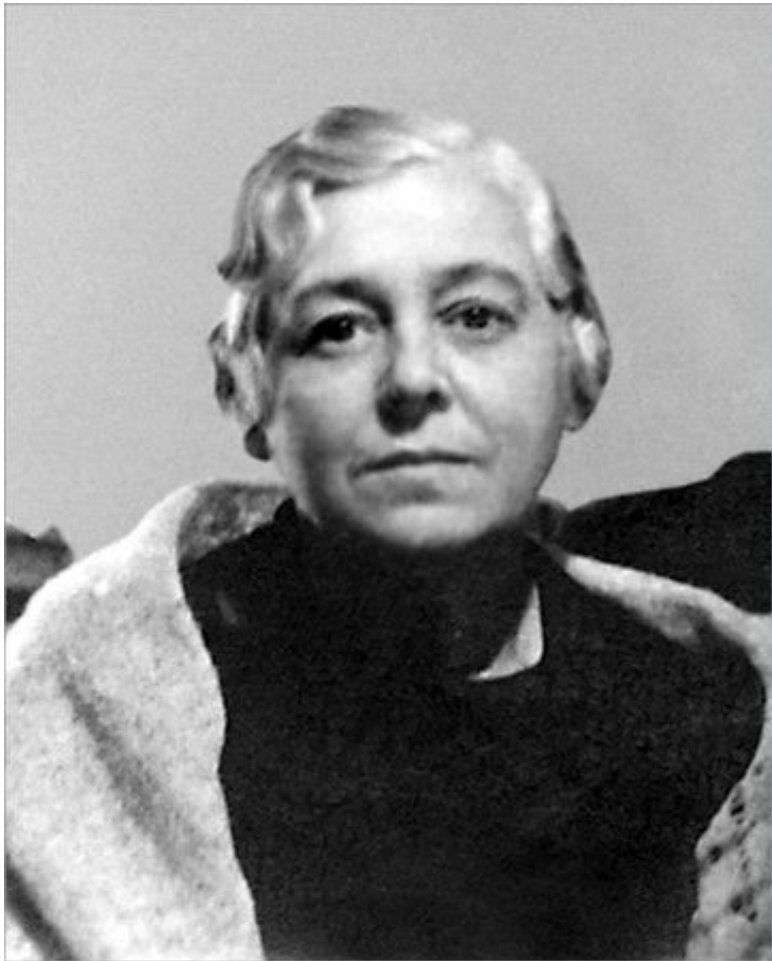
научно-исследовательского института № 3 НКОП, обвиняется в том, что: являясь участником антисоветской троцкистской вредительской организации, с 1935 г. занимался срывом отработки и сдачи на вооружение РККА новых образцов вооружения, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п.п. 7, 11, 8—17.

Вследствие изложенного, обвиняемый Королев Сергей Павлович подлежит суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР с применением закона от 1 декабря 1934 г.».

Упоминание «закона от 1 декабря 1934 г.», принятого сразу же после убийства С.М. Кирова, означало, в частности, что судебное заседание по делу отца будет закрытым и проведенным в ускоренном порядке, без участия защиты и свидетелей.

Вскоре после ареста сына Мария Николаевна узнала, что в Верховном суде есть приемная, где принимает следователь, а родственники заключенных ходят туда и подают заявления с просьбой о пересмотре дел. Она тоже включилась в это изнурительное хождение. В течение двух летних месяцев она как на работу уезжала с дачи, чтобы попасть к следователю. Перед его кабинетом находилась довольно большая комната, в которой скапливалось много людей, в подавляющем большинстве женщин. Каждая несла сюда свое горе – у одной арестован муж, у другой сын, у третьей отец или брат. Все приходило с надеждой получить хоть какую-то информацию о своих близких. Каждой двигала наивная вера в торжество

справедливости, каждая добивалась приема. За долгие часы ожиданий Мария Николаевна наслушалась от этих несчастных таких страшных рассказов, что помнила их всю жизнь. Особенно запомнились ей исповеди двух женщин. У одной был арестован муж – ответственный партийный работник. Когда она сообщила об этом двум его братьям и отцу, то один из братьев привез ей пятьсот рублей, сказав, что, кроме денег, ничем помочь не может, другой объявил, что никакого участия в судьбе брата принимать не будет, так как это опасно для его собственной семьи. Отец же заявил, что раз сын арестован, то он отрекается от него, потому что враг народа ему не сын. Другая женщина рассказала, что ее мужа, научного работника одного из сибирских институтов, увозят куда-то на Север, и вот ему удалось оторвать от рубашки и каким-то образом передать ей ленточку, на которой он кровью написал: «Скажи сыну, что я погиб, но невиновен». И она показала Марии Николаевне эти кровавые каракули.

*М.Н. Баланина.
Москва, конец 1938 г.*

Люди испытывали потребность поделиться своей бедой с такими же горемыками, которые сами переживали подобное и могли их понять. Говорили всегда шепотом и обычно с теми, внешность которых располагала к доверию. А на остальных поглядывали с опаской, не исключая, что среди них могут находиться агенты НКВД.

Наконец, подошла очередь Марии Николаевны. На все вопросы следователь отвечал, что своевременно будет суд, что дело будет рассмотрено, и если ее сын не виноват, то он вернется. Следователь говорил спокойно, вежливо, с любезной улыбкой. По-видимому, он отвечал такими стереотипными фразами и всем другим просителям, сидевшим в приемной сутками. Но иных способов узнать что-либо о своих близких и их судьбе не существовало, и люди тратили силы и время ради этой короткой, совершенно бесполезной, но так необходимой им встречи.

Здесь же, в ожидании приема у следователя, Мария Николаевна слышала о знаменитом юристе, пожилом человеке, который если берется за дело, то обязательно за трудное и очень часто добивается успеха. Она узнала адрес и пришла к нему на прием в маленькую юридическую консультацию, битком набитую людьми. Дожидаясь своей очереди, она рассматривала собравшихся и обратила внимание на высокую, одетую во все черное пожилую женщину. Она сидела, сложив руки, закрыв глаза и покачивая вправо-влево головой.

И такая безысходная тоска была во всем ее облике, что кто-то не выдержал и участливо спросил, почему она здесь, кто у нее арестован. Не меняя позы, она ответила, что осуждены три ее сына – горные инженеры, работавшие на Алтае. Потом, выйдя от юриста, она сказала, что тот обещал помочь. А Марии Николаевне он отказал.

В последних числах августа мы с Лизой вернулись в Москву, так как на даче, где не было отопления, стало холодно. Весной, до отъезда на дачу, я всегда играла во дворе с соседским мальчиком, сыном В.И. Дудакова – начальника группы, в которой отец работал последние месяцы перед арестом. И вдруг теперь, при первой же нашей встрече, он заявил, что его мама не разрешает со мной «водиться», потому что мой папа арестован. Мне было всего три года, ему – четыре и мы оба, конечно, не понимали смысла запрета, но мою маму это очень взволновало. Во избежание повторения подобных инцидентов, она попросила Лизу и бабушку Софью Федоровну гулять со мной не во дворе, а в расположенном неподалеку зоопарке.

Вскоре мама получила извещение, что 26 сентября предстоит конфискация нашего имущества. Вопреки логике, она состоялась не после суда, который вынес это постановление, а за день до него. Другими словами, весь сценарий был подготовлен еще тогда, когда принималось решение об аресте отца.

В тот день мама взяла отгул, вызвала своих родителей

и Марию Николаевну, а меня с Лизой отправила на Октябрьскую, чтобы я не присутствовала при этой тягостной церемонии. К тому времени большая комната, в которой мы жили, уже была переведена на имя мамы, так что конфискации подлежало только то, что находилось в меньшей комнате. Два пришедших сотрудника НКВД – Альтшуллер и Стрелец – сняли печать с двери, ведущей в кабинет отца из коридора. Но она оказалась такой узкой, что выносить через нее мебель было невозможно. Тогда они распечатали вторую дверь – между комнатами – и приступили к выполнению задания. Это оказалось непростым делом, так как лифта в доме не было и им приходилось на руках нести по лестнице тяжелые вещи с шестого этажа на первый, а потом снова подниматься наверх. Маму, двух моих бабушек и дедушку посадили в другой комнате. Там же сидел и понятой – дворник К.Г. Юсупов. Его вся эта процедура явно тяготила, и когда Мария Николаевна робко попросила разрешения взять несколько книг на память, он сказал, чтобы они делали все, что хотят, и брали что угодно – он ничего не видит и не слышит, и вообще это первый и последний раз в его жизни, когда он согласился выступать в такой роли. После этого мама, обе бабушки и дедушка дружно принялись за работу. Пока сотрудники НКВД, ругаясь и пыхтя, стаскивали вниз мебель, мама снимала с полок наиболее важные, с ее точки зрения книги, которые, как она считала и верила, могут когда-нибудь пригодиться моему отцу. Мария Николаевна и Софья

Федоровна переносили их – одна в ванную комнату под ванну, другая – в кухню под матрац раскладушки, на которой спала Лиза. А Максимилиан Николаевич засовывал книги под матрац моей детской кровати. Благодаря этому несколько десятков книг отца удалось сохранить. Таким же образом был сохранен и чернильный прибор, стоявший на его письменном столе. Конечно, сотрудники НКВД не могли всего этого не видеть и прекрасно все понимали, но они ни на что не обращали внимания, скорее всего даже радовались, что им останется меньше работы.

Вначале они вынесли зеленый диван с валиками и огромными подушками, затем письменный стол, кресло и стулья. Наконец, дошла очередь до пианино. Не имея специальных ремней и какого-либо опыта в этом деле, они волочили его по ступеням лестницы, пока между третьим и четвертым этажами не раздался «взрыв» – лопнула дека. Оставшиеся книги и журналы, альбом с фотографиями и пачку фотокарточек, а также серебряный портсигар с дарственной надписью, врученный отцу при организации РНИИ, они положили в мешок, после чего оторвали от стены прибитый к ней книжный стеллаж. Среди конфискованных книг оказались «Техника ракетного полета» (1936 г.) Эйгена Зенгера, «Проектирование воздушных сообщений» (1937 г.) Н.А. Рынина, «Полет птиц и машин с машущими крыльями» (1937 г.) М.К. Тихонравова, «Введение в космонавтику» (1937 г.) А.А. Штернфельда, несколько книг К.Э. Циолковского и др.

*М.Н. Баланина и Наташа Королева.
Москва, 1938 г. Фотография Ю.М. Винцентини*

По завершении «операции» обе двери кабинета отца были вновь опечатаны и составлен акт с описью конфискованного имущества, которое перевозилось на склад административно-хозяйственного Управления НКВД в усадьбе Покров-

ское-Глебово на Волоколамском шоссе.

Протокол подготовительного заседания Военной коллегии

Верховного суда СССР. Москва, 26 сентября 1938 г.

27 января 1939 г. оценочная комиссия определила стоимость нашей мебели всего в 430 рублей (кроме пианино, оцененного в 5000 рублей). Затем мебель сдали, как следует из составленного тогда же акта, на склад реализации. Все попытки мамы, подкрепленные удостоверением Одесского музыкального техникума и справками свидетелей, вернуть принадлежащее лично ей пианино, результата не дали. К счастью, именной портсигар отца сохранился и был возвращен маме 19 октября 1940 г.

А 6 октября 1938 г. у нас на Конюшковской появились соседи – семья молодого милиционера Ивана Прокофьевича Панишева, который только что женился на совсем юной, очень симпатичной девушке Августе. Оба они были сотрудниками НКВД. Отношения с этой семьей у нас с самого начала сложились теплые и дружеские. Вскоре у них родились один за другим два сына и им, конечно, стало очень тесно в маленькой комнате. Но Августа так полюбила мою маму, что отказывалась переезжать куда-нибудь без нее. Лишь через много лет, в 1952 г., удалось поменять квартиру на Конюшковской на две большие комнаты в огромной коммунальной квартире на Малой Бронной улице, и еще долгие годы мы оставались близкими соседями.

26 сентября 1938 г. под председательством В.В. Ульяриха состоялось подготовительное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР, на котором слушался вопрос о предании С.П. Королева суду. После заседания с отца взяли расписку в том, что им получена копия обвинительного заключения.

5-Ф РАСПИСКА

26 сентября 1938 г.

ою, нижеподписавшимся.....КОРОЛЕВЫМ Сергеем Павловичем

.....получена копия обвинительного

ния по моему делу о предании меня суду Военной Коллегии

ого Суда Союза ССР.

судимый.....

Вручил: Секретарь Военной Коллегии
Верховного Суда Союза ССР
Военный юрист.....

Тип. НКВД. 3212—38

Расписка С.П. Королева в получении копии обвинительного заключения. Бутырская тюрьма, 26 сентября 1938 г.

На следующий день, 27 сентября, в том же составе состоялось закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР. Как следует из протокола заседания, на вопрос председательствующего, признает ли Королев себя виновным, «подсудимый ответил, что виновным он себя не признает и данные им показания на предварительном следствии он отрицает». Далее отец добавил, что «участником контрреволюционной организации он никогда не был и, конечно, он не знал никаких участников организации». В конце протокола отмечено: «В последнем слове подсудимый просит учесть его молодость, его преданность Правительству и Партии и просит дать ему возможность плодотворно работать в области авиации».

Суд удалился на совещание, по возвращении с которого председательствующий огласил приговор:

«...Признавая Королева виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58—7, 17, 58—8 и 58—11 УК РСФСР, и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная коллегия Верховсуда СССР

Приговорила:

Королева Сергея Павловича к тюремному заключению на десять лет с поражением в политических правах на пять лет и с конфискацией всего, лично ему принадлежащего имущества».

Можно представить, что пережил отец, услышав такой приговор! Долгих три месяца он с нетерпением ждал суда,

готовился к нему, оттачивая аргументацию, надеясь наконец-то сказать там всю правду. Он был убежден, что следователи Быков и Шестаков ничего не понимают, это просто пешки, выполняющие чей-то нелепый приказ. На суде все должно быть иначе, члены суда наверняка серьезные люди. Он ни в чем не виноват, и это очень легко установить – ведь никаких доказательств его вины просто не существует. Он может все объяснить. Но... его объяснения, оказывается, никого не интересовали. Все шло по заранее намеченному плану. Зачем судьям тратить время на никчемные разбирательства? У них и без того много работы. Подобных дел – тысячи. Что же касается судьбы одного отдельно взятого человека, то разве стоит об этом задумываться? Главное – всеобщая борьба с «терроризмом и вредительством». И вот он, этот отдельно взятый человек, мой отец, стоит, слушая убийственные слова, перечеркивающие всю его жизнь. У него без всяких на то причин отнимают любимую работу. Он уверен, что может принести много пользы своей стране, что работа, от которой он теперь оторван, чрезвычайно важна для обороны, а из-за ареста его и В.П. Глушко она фактически остановилась. Его обрекают на бесправное тюремное существование, и он бессилен что-либо изменить. Вместо освобождения его возвращают в Бутырскую тюрьму. Он удручен, подавлен, но все же не сломлен. Десять лет – это не расстрел. Еще не все потеряно.

Однажды в начале октября у мамы в Бутырской тюрьме

не приняли денежную передачу, сказав, что ее мужа здесь больше нет. Где он – не объяснили, но она уже знала, что заключенных иногда переводят в другие тюрьмы, и бросилась его искать. Однако ни в «Матросской тишине», ни в Лефортовской или Таганской тюрьмах его не оказалось, и передачу не взяли нигде. Вечером Ю.А. Победоносцев сообщил, что, по сведениям, просочившимся в институт, суд уже состоялся и отца должны отправить этапом из Москвы. Официальных сведений о суде и приговоре ни родственники, ни сотрудники не получили. По слухам, накануне отправки заключенных всегда переводили в пересыльную тюрьму в районе Красной Пресни, а затем сажали в вагоны на расположенной неподалеку товарной станции. И вот мама с Марией Николаевной несколько вечеров подряд бегали по путям этой станции в надежде хоть на секунду увидеть моего отца. Так продолжалось до тех пор, пока какой-то сердобольный человек не подошел к ним с сочувствием: «Что вы здесь делаете? Надеетесь увидеть своих? Но это невозможно: день и час неизвестны, путь неизвестен. Подвезут их, бедолаг, к самому составу, поставят в два ряда, прикажут присесть на корточки, посчитают по головам, все ли на месте, а затем – команда “по вагонам”, и повезут их в дальние края». Так мама с бабушкой и ушли ни с чем. Потом мама еще раз обошла все известные ей московские тюрьмы, но ни в одной из них отца не было. Стало ясно, что его увезли.

8
315

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик
Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

в составе:

Председательствующего Ар. военюриста т. УЛЬРИХ В. В.

Членов: Бригаденюркстов т. т. ДЕТИСКОЛА и ДМИТРИКЕВА

При секретаре Военном юрсте 2 ранга т. КОЗЛОВЕ

В закрытом судебном заседании, в городе Москве

9го сентября 1938 года

, рассмотрела дело

обвинению: К О Р О Л Е В А Сергея Павловича, 1903 г.р., быв. инженера
Научно-Исслед. Дальского Института Р 3 НКВД - в преступлениях, пре-
дус. отр. ст. ст. 38-7, 17- 8-8 и 8-11 УК РС.СР

Предварительным и судебным следствием установлено, что

Королев являлся членом охотничьей террористической и
антисоветской троцкистской организации, дейст-
вавшей в научно-исследовательском институте НКВД,
в городе Москве в 1935г. Поглотком.

По обвинению этой организации Королев проводил вре-

договором наймившимся на срочн. обработку и сдачи на
вооружения РККА новых образцов вооружения.

Приговору Королева виновным в совершении преступле-
ний, предусмотренных ст.ст. 58.7 14, 58.8 и 58.11 УК
РБ ФБР и руководившим ст.ст. 319 и 320 УК РБ ФБР
Виктора Колесникова Верховная ВВВР

приговорила:

Королева Виктору Павловичу в тюрьму заключен
на десять лет с порочением в политическую пр.
век на пять лет и с конфискацией всего, лично и
принадлежащего, имущества.

Брак тюремного заключенного считать с 17 июня 1938
Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Председательствующий

И
Мини

Члены }
}

И
И
И

1938 г.

И действительно, 10 октября 1938 г. он уже оказался в общей камере № 70 Новочеркасской пересыльной тюрьмы. Что его ждет? Он безвинно осужден, это горько, обидно, оскорбительно, но нужно использовать любые возможности, чтобы выйти на свободу и продолжить дело создания ракетного самолета. Надо бороться – писать, просить, требовать. И отец продолжает борьбу. Он подает протест Верховному прокурору СССР, пишет наркому внутренних дел Ежову, 20 октября обращается с заявлением к председателю Верховного суда СССР, однако ответа не получает. 29 октября он вновь пишет заявление на имя Верховного прокурора СССР, в котором максимально сжато излагает суть вопроса и просит пересмотреть его дело.

Тюрьма в Новочеркасске, где С.П. Королев находился с 10 октября 1938 до 1 июня 1939 г.

«Верховному Прокурору СССР г. Москва
от заключенного Новочеркасской тюрьмы
Королева Сергея Павловича. 1906 г. рожд.
В порядке прокурорского надзора

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу Вас в порядке прокурорского надзора пересмотреть мое дело, т. к. я осужден 27 сентября с.г. в г. Москве Военной Коллегией Верховсуда неправильно и в предъявленных мне обвинениях совершенно невиновен.

Я авиационный инженер и летчик, окончивший (МВТУ. – Н.К.) в 1930 г. С 1931 г. и до ареста работал в совершенно новой области авиационной техники – по ракетным самолетам. Эта область работы настолько нова, что до 1935 г. вообще никаких экспериментов не велось, были лишь изыскания и до сего дня нам не известны случаи осуществления даже в передовых странах за границей самолетов подобного типа.

Мне же с моими товарищами по работе (инж. Глушко – ныне также арестован) за эти годы удалось провести многочисленные эксперименты и в конце 1937 г. осуществить впервые в технике небольшой ракетный самолет. В 1938 г. он был мною успешно испытан на земле с хорошими результатами. Этот самолет, все отчеты об испытаниях и проч. находятся и сейчас в НИИ № 3 НКОП в г. Москве, где я работал до своего ареста. Но ряд лет группа лиц из НИИ № 3 во главе с ныне техдиректором Костиковым упорно травила меня

и мои работы, которые имеют совершенно исключительное оборонное значение. Всеми способами они старались меня убраться из НИИ № 3, прибегая к самым гнусным приемам, о которых я писать здесь не буду из-за недостатка места.

Они же (Костиков) ввели в заблуждение НКВД, и 27 июня с.г. меня арестовали, причислив к группе ранее арестованных в Ин-те лиц. Мне предъявили обвинение во вредительстве и участии в антисоветской организации. Я заявлял и заявляю, что никогда вредительством не занимался и ни в какой организации не состоял и ничего подобного и не подозревал. Несмотря на то, что я был арестован в момент достижения успеха в своей многолетней работе, следователи VII отдела Шестаков и Быков избиениями и издевательствами заставили меня подписать ложные показания на себя. Я 3 раза писал об этом Вам протест, то же Н.И. Ежову, но Суд, не разбирая дела по существу, осудил меня на 10 лет тюрьмы.

В результате: я осужден невинным, причем обвинен в преступлении по делу, которое является целью моей жизни и мною создано, как реализация идей нашего ученого К.Э. Циолковского. Я оторван от дела в период его успешного развития и работа стоит, т. к. арестован и Глушко. Этим нанесен ущерб СССР, т. к. указанные работы чрезвычайно важны и нужны. Прошу Вас пересмотреть мое дело, причем все расчеты и сведения могут быть мною доказаны.

1938 г. 29 октября С. Королев».

Ответа снова нет, а время безвозвратно уходит. Нельзя

опускать руки, надо действовать. 10 ноября 1938 г. отец повторно обращается к председателю Верховного суда СССР.

«г. Москва. Председателю Верховного Суда СССР
От заключенного Новочеркасской тюрьмы НКВД
Королева Сергея Павловича, 1906 г. рожд.

ЗАЯВЛЕНИЕ

20 октября с.г. я обратился к Вам с заявлением с просьбой в порядке судебного надзора пересмотреть мое дело, т. к. 27 сентября с.г. я был осужден в г. Москве Военной Коллегией на 10 лет тюремного заключения неправильно, и в предъявляемых мне обвинениях ст. 58 п 7,11 и 8/17 я совершенно не виновен. В упомянутом заявлении я уже заявлял, что никакой вредительской деятельностью я никогда не занимался, ни в какой антисоветской вредительской организации я никогда не состоял и ни о чем подобном не знал. Там же я кратко излагал обстоятельства, при которых следователи VII отдела НКВД Шестаков и Быков путем избиений меня и издевательств заставили меня написать на себя вымышленные ложные показания, от которых я отказался еще до суда, заявив обо всем этом Наркому Ежову (31/VIII с.г.), прокурору Вышинскому (14/VIII и 31/VIII) и начальнику VII отдела НКВД (14/VIII). Однако все мои заявления, равно как и мое заявление на суде 27/IX с.г. остались безрезультатны и я осужден на 10 лет тюрьмы, будучи совершенно невиновным. Никто (ни следователи, ни суд) не рассматривал моего дела

по существу, да и никакого «дела» у меня и нет, а все составляют грубо извращенные факты и обстоятельства, в которых никто не хотел объективно разобраться. Поэтому я обратился к Вам с заявлением 20/Х, а в настоящем заявлении я к ранее изложенным обстоятельствам хочу добавить некоторые факты, могущие разъяснить мою невиновность. Так, в данных мною под давлением следствия показаниях написано:

1. Что я состоял в антисоветской организации и знал, что в ней состояли б. директор Ин-та Клейменов, техдиректор Лангемак и инж. Глушко и что Лангемак, якобы завербовавший меня, давал мне вредительские задания (о них я скажу ниже), которые я выполнял. Это все ложь, как я уже и говорил ранее, и я неоднократно просил дать мне очную ставку или хоть показать мне показания этих людей, но в этом мне отказали. Показания этих людей на меня (если они есть) или клевета или ложь.

2. Что я неверно делал расчеты и проекты ракет, над которыми я работал в НИИ № 3 НК ОП, например по объекту 301/201. Это все ложь, т. к. в деле объекта 301/201 в секретной части НИИ-3 можно найти два акта технической комиссии РККА (НИТИ РККА) и заключение консультанта из ВВА им. Жуковского, бригаднера Пышнова о том, что все сделанные расчеты удовлетворяют требованиям. Кроме того, все расчеты обязательно подвергались проверке и обсуждению на техсовете, о чем на них и в деле 301/201 есть отметка. Наконец, за всю мою работу по ракетам ни разу рас-

четы не подводили нашу работу. Аналогично по другим объектам (напр. 318/218).

3. Что я вел работу без достаточно разработанной и обоснованной теории. Это все ложь, т. к. в трудах НИИ-3 «Ракетная техника» № 1, 2, 3, 4, 5 и в журнале «Техника воздушного флота» № 7 за 1935 год, а также в делах объектов № 301/201, 312/212 и 318/218 напечатаны работы мои, инж. Щетинкова, инж. Дрязгова и других работавших со мной инженеров по вопросам теории ракет. Теория ракет именно нами и разработана в тех пределах, как это позволяло время (с 1935 г.) и новизна дела.

4. Можно сказать “венцом” или завершением моих работ над ракетами было создание мною и инж. Глушко (ныне арестован) в период с 1935 до 1937 г. ракетного самолета – ракетоплана. Такая работа не сделана еще нигде и за рубежом. Я провел 30 испытаний машины на земле с работающим ракетным двигателем и 100 испытаний разных (пробная заливка баков, проба арматуры и проч.). Количество этих испытаний ничтожно для такого большого, технически сложного и нового вопроса – проблемы, как ракетоплан. Простой автомобиль, хорошо изученный, испытывают десятки раз. Но меня заставили написать, что я умышленно затягивал выпуск машины, увеличивая число испытаний, что когда я и инж. Глушко испытывали зажигание, то хотели взорвать объект и т. п. Это все ложь, т. к. ракетоплан цел и невредим и находился до дня моего ареста в НИИ № 3 НК ОП (27 июня с.г.).

Никаких взрывов на нем вообще не было, и он, и мотор целы. А в обвинительном заключении сказано, что в 1935 г. (!) я взорвал ракетоплан (!). Подобные примеры можно привести еще, но нет места.

Верховному Прокурору СССР в Москве.

сего заключенного Новозаркаской тюрьмы
Коралева Сергея Павловича

№ 061. прозг

В тюрьме прокурорского надзора

Заволаки

Прошу Вас в тюрьме прокурорского надзора
первоначально мое дело, т.к. я осужден 27 сентября
с.г. в г. Москве Военной Коллегией Верховного
Суда и в предъявленных мне обвинениях
совершенно невиновен.

Я авиаученик туфлер и летчик охотившийся в
1930 г. С 1931 года и до ареста работал в совершенно
новой области авиаученика туфлера — по ракет-
ным самолетам. Эта область работы несчетно нова
т.к. до 1935 г. вообще никаких экспериментов не
было, были лишь опыты и до сего дня
нам неизвестны случаи осуждения в этой
области в периодике Европы за границу,
самолетов подобного типа.

Мне же с большим трудом по работе
(тип Глушко — мне так же арестован), за эти
годы удалось провести многочисленные
эксперименты и в конце 1937 года осу-
ществить впервые в мире ракетный
самолет. В 1938 году был
много успешно испытан на земле
с хорошими результатами. Этот са-
молет, все отсюда об испытании и т.д.
находится и сейчас в НИИ ВЗНКОП в Москве.

*Заявление С.П. Королева Верховному прокурору СССР.
Новочеркасская тюрьма, 29 октября 1938 г.*

душем заявлении, было введено в заблуждение ныне техдиректором НИИ-3 Костиковым и его группой (Дедов, Душкин, Калянова), которые травили меня и мои работы ряд лет и дали ложные сведения НКВД (я их видел, но не читал). Они же составили акт от 20/VII с.г. (его я читал), целиком ложный, где говорится, что я ничего не сделал и т. п. Характерно, что все эти лица никогда не видали моих объектов в работе, а Дедов и Калянова вообще не видали некоторые из них даже в чертежах! Моя же просьба о грамотной экспертизе была отклонена.

6. Обвинительное заключение сильно отличается от “показаний” тем, что в нем абсолютно все так извращено и перепутано, что некоторые пункты даже трудно понять (например, о том, что я сделал ракету, работавшую вместо 60 секунд 1–2 секунды. Что это такое?) и т. д. Весь этот ком лжи и извращенных фактов получился в результате вопиющей безграмотности и пристрастия ведущих мои допросы.

7. В приговоре сказано, что я тормозил «образцы вооружения». Но я никогда не работал над «образцами»! Я вел научно-исследовательскую проблемную работу (с 1935 г.), которая со временем могла стать «образцами». Работа за эти 2¹/₂ года шла с такими результатами, как создание ракетного опытного самолета, испытания ракет и пр. Все материалы об этом есть в НИИ № 3 НКОВ в Москве.

Ракетные самолеты – цель моей жизни, они нужны СССР, и я прошу Вас пересмотреть мое дело для того, чтобы я мог

снова над ними работать, а не сидеть без дела в тюрьме. В заявлении всего не напишешь, но если мне дадут возможность, я легко докажу свою невиновность. А врагом я никогда не был.

10 ноября 38 г. С. Королев».

После этапирования отца из Москвы семья о нем вначале ничего не знала. Затем маму вызвали в приемную на Кузнецком мосту, где сообщили, что ее муж переведен в Новочеркасскую тюрьму и она может пересылать ему прежнюю сумму денег, но только один раз в месяц и по зашифрованному адресу. Было известно, что Новочеркасская тюрьма – пересыльная, однако сколько времени отец в ней пробудет и куда его отправят, никто не знал. Оставалось ждать хоть какой-то весточки от него самого. Наконец пришло долгожданное письмо.

«16 ноября 1938 г.

Милая моя, хорошая Лялюшка! Горячо обнимаю тебя, Наташку и маму и сообщаю Вам, что я жив, здоров. Самочувствие у меня хорошее и состояние удовлетворительное. Очень много думаю и вспоминаю о Вас, дорогие мои, как Вы там поживаете и что поделяетесь. Наташка, верно, сильно подросла и окрепла за это лето, смотрите же, берегите ее, мою милую черноглазую дочурку. Как Лизуха? Вспоминаю Вас всех и тебя, моя милая девочка, как самое светлое видение жизни. С этими мыслями начинается и заканчивается каждый мой день здесь. Посылать тебе я смогу 2 письма в

месяц и столько же получать от тебя.

Мой адрес такой:

Гор. Новочеркасск, Ростовской области

Почтовый ящик № 43

Сергею Павловичу Королеву

Наташа Королева и овчарка Бинго. Барвиха, 1938 г.

Фотография В.Н. Москаленко

Ну, а дальше – твое письмо будет соответствующим путем доставлено мне. Когда будешь мне писать, то указывай на своем конверте полностью свое имя, отчество, фамилию и

свой обратный адрес (Конюшковская 28, кв. 11), точно так, как это делается на заказных письмах.

Когда получу от тебя ответ, то, конечно, отвечу, а главное, буду хоть знать, как Вы там живете, и о себе напишу как-то полнее, потому что когда пишешь первые письма, всегда не хватает слов, хотя перед этим много думаешь и готовишься. Итак, пиши, буду с нетерпением поджидать твои письма. Крепко обнимаю тебя и Всех Вас, мои дорогие: Всегда с Вами, Сергей».

Письмо перечитывали несколько раз всей семьей. Его общим настроением вселял оптимизм и веру в то, что рано или поздно мы снова будем вместе. Еще два письма отца пришли в декабре 1938 г., но никакой информации о том, что с ним будет дальше, там не содержалось.

Жизнь наша в конце 1938 г. была трудной и в первую очередь, конечно, для мамы. Ей приходилось очень много работать, чтобы прокормить нас троих и посылать деньги отцу. Иногда она возвращалась домой пешком, а не на трамвае, чтобы сэкономить немного денег. Питались очень скромно. Покупали в основном «микояновские» котлеты по 10 копеек. Мама вспоминала, что, приходя домой, она уверяла Лизу, что пообедала на работе, на что Лиза отвечала, что тоже сыта, так как ее угостила обедом Катя – дворничиха. Обе прекрасно понимали, что и то, и другое было неправдой, но благодаря этой неправде все котлеты доставались ребенку, то есть мне. Только один раз в месяц, в день зарплаты, мама

позволяла себе удовольствие: покупала белоснежный, мягкий, теплый батон с изюмом за 23 копейки и вместе с пачкой мороженого съедала его одна. Много позднее мама подарила мне свою фотографию того времени, написав на обороте: «Моей родной единственной Натухе, так украшавшей мне мое невеселое существование в эти годы и всем своим существом придававшей мне силы, бодрость духа и упорство в отношении борьбы за жизнь».

Осенью 1938 г., видя, как тяжело живет мама, как она борется за существование, надрываясь на трех работах, профессор М.О. Фридланд, заведующий кафедрой травматологии и ортопедии Государственного центрального института усовершенствования врачей (ЦИУВ), действовавшей на базе Боткинской больницы, и главный врач больницы Б.А. Шимелиович решили ей помочь, предложив подать заявление о зачислении на должность ассистента кафедры. Мама согласилась не сразу. Она знала, что ей придется, заполняя анкету, написать, что ее муж арестован, а кто возьмет на такую должность жену арестованного? Тем не менее Михаил Осипович и Борис Абрамович убеждали ее и буквально заставили написать заявление. По их рекомендации, к величайшему удивлению мамы, с 1 сентября 1938 г. она была зачислена в штат института на должность ассистента. Но вскоре ее неожиданно вызвали в кабинет главного врача, где уже находилась директор ЦИУВ профессор В.П. Лебедева, которая очень внимательно посмотрела на нее и задала несколь-

ко вопросов. Лишь потом мама узнала, что какой-то «доброжелатель» сказал директору, что она – итальянка, плохо говорит по-русски и даже институт закончила за рубежом... Маму приняли на должность ассистента без кандидатской степени с тем условием, что она должна как можно скорее подготовить и защитить диссертацию. Теперь, помимо трех служб, предстояло еще заниматься научной работой. М.О. Фридланд предложил ей тему: «Спирт-новокаиновая блокада как метод борьбы с мышечной ретракцией (сокращением мышц. – *Н.К.*) при переломах длинных трубчатых костей». Экспериментальную часть диссертации мама выполняла по ночам на лягушках, морских свинках и кроликах. Имея уже большой опыт работы практического врача-хирурга, много оперируя на органах брюшной полости и костях, она сама была не в состоянии резать лягушку. Приходилось, несмотря на дефицит денег, нанимать санитарку, оплачивая ее «труд», иначе завершить работу оказалось бы невозможно. Когда экспериментальная часть диссертации была закончена, разработанная методика начала применяться в клинике у больных с переломами длинных трубчатых костей, а затем и ребер. В дальнейшем она нашла широкое применение при лечении раненых во время Великой Отечественной войны.

*Наташа Королева.
Барвиха, 1938 г.
Фотография
Ю.М. Винцентини*

Моей родной единственной
Машухе так украсившей
мне мое не веселое существование
в эти годы и всем своим
существом придававшей мне
силы, бодрость духа и упорство
в отношении борьбы за жизнь.
Крэм

К.М. Винцентини. Москва, 1938 г. Фотография Ю.М. Винцентини.

Надпись на обороте

В конце 1938 г. отец все еще находился в Новочеркасской тюрьме. Его безумно угнетали вынужденное безделье и безысходность, в которой он оказался. Но в глубине души теплилась надежда, что все еще может измениться, что его голос рано или поздно будет услышан. И хотя никаких ответов на предыдущие письма не было, 29 ноября 1938 г. он обращается к Верховному прокурору страны с новым заявлением.

«Верховному Прокурору Союза ССР г. Москва.

От: Осужденного Новочеркасской тюрьмы НКВД
Королева Сергея Павловича. 1906 г. рожд.
В порядке Прокурорского надзора.

ЗАЯВЛЕНИЕ

29 октября с.г. мною направлено на Ваше имя заявление с просьбой в порядке прокурорского надзора пересмотреть мое дело, т. к. я осужден 27 сентября с.г. в г. Москве Военной Коллегией неправильно и в предъявляемых мне обвинениях (ст. 58 п. 7,11 и 8/17) совершенно не виновен. Тогда я указал, что на следствии меня вынудили силой дать ложные показания, и хотя я об этом писал Вам еще до суда (14 и 31 августа с.г.) и заявлял на суде, – я был осужден на 10 лет тюремного заключения, хотя являюсь невиновным. Это мое заявление является дополнением к предыдущим с изложением некоторых отдельных фактов по существу моего дела и обвинения:

1. В данных мною под физическим и прочим воздействием следователей VII отдела Быкова и Шестакова ложных показаниях говорится, что я состоял во вредительской антисоветской троцкистской организации и занимался вредительством в области ракетной техники, где я работал. Это все вымысел, т. к. никогда ни в какой организации я не состоял, ни о чем подобном у нас в Ин-те не знал и не подозревал и никогда вредительством не занимался. На следствии я не

раз просил очных ставок или хоть прочитать показания на меня других, ранее арестованных лиц, но получал отказ и соответствующее “внушение”, чтобы я сам писал такие показания. Видел я (но не читал) агентурные, как мне сказали, данные на меня. Я знаю, что они написаны техдиректором НИИ-3 (где я работал) Костиковым, который ряд лет травил меня и мои работы по ракетам и теперь оклеветал меня и ввел в заблуждение НКВД, припутав меня к ранее арестованным лицам. Их показания, если они есть, равно как и Кости-ковские измышления, являются ложью и клеветой на меня. Тем же Костиковым и его группой представлен в НКВД «тех-нический акт» от 20/VII с.г. (его я читал), где говорится, что я ничего не сделал по ракетам, и прочий вымысел и вздор. Этот «акт» подписан лицами, никогда вообще не видевшими моих объектов в действии, а двое из них не видали даже их чертежей (Дедов, Калянова). Цена такому «акту» грош ломаный, а в грамотной технической экспертизе мне было отка-зано. А по существу дела, с 1935 г. (т. е. за 2¹/₂ года) в совер-шенно новой области оборонной техники, на голом месте, без помощи, в крайне тяжелых условиях, мною с моими то-варищами по работе сделаны несколько типов опытных на-учно-исследовательских образцов ракет (объекты 217, 212, 201 и 218); произведены десятки испытаний их в полете и сотни испытаний на стендах и в лабораториях с неплохими результатами (см. отчеты в делах этих объектов в НИИ-3). Создан и успешно испытан на земле опытный ракетный са-

молет (нам известно, что за границей, несмотря на усиленную работу, этого нигде еще не сделано). Моя работа по ракетам была для меня целью моей жизни – меня же принудили написать и обвинили, что я занимался вредительством, используя для этого все средства и мое состояние после тяжелого ранения в голову при испытаниях, сотрясение мозга и пр., произошедшее незадолго до ареста.

Об: Шестидеятно Новогеркаской Тярми НКВД
Королева Сергей Павловича, 1908г. рожд.

Второму Прокурорскому Наззору
Завдешине.

29го октября 1957 г. мною катраблено на Ваше и.л. завешине с просьбой, в по-
ряке прокурорского наззора, рассмотреть мое дело, т.к. я осужден 27 сентября
с.г. в г. Москва Военной коллегией неправомерно в отрыве от фактов и без
Нелих (Ст. 58 п. 1, 2, 11, 17) совершенно несправедливо. Тогда я указал, что на
следствии мною были даны самые полные показания и хотя в отрыве
писан Ваш суд (И.ч. Завбуца с.г.) и завешине на суде - там осужден
на 10 лет тюрьмы за кражу, хотя я никогда не воровал. Это
мои завешине я делал 9 октября 1957 г. в соответствии с изложением
некоторых фактов по существу моего дела и обвинений.
1. В декабре мною под физическим и другим воздействием следователя Ю. Ю.
Блинова и Шестилова полных показаний совершил, что в составе во время
дмитрийской Английской организации организации и занимаюсь
вредительством в отношении ракетной техники, где я работал.
Эта все завешине т.к. никогда никакой организации и не
составил, мною подобно у нас в Москве не знаю и не подозре-
вал и никогда вредительством не занимался. На следствии
я не раз просил отменить статьи или хотя бы прочитать показания
на мои друзей, ранее арестованных мною, но получал отказ
и соответствующее заключение, что-бы я сам писал свои показания
Видел я (по посетителю) Анну Григорьевну, как мне сказали, давшие на
мне. Я знаю что они купились теледиректором НИИ 3 (где я
работал) Косиновым, который ругал тюрьму мою и мою
работу по ракетам и теперь обвиняет меня и был в Завбуца
днем НКВД принуждал меня к рабле предостережениям между
их показаниями, если вы суд, равно как и Косиновские из-
мышлениям и в будущем ложью и клеветой на меня. Так же
Косиновым и его группой представил в НКВД, теледиректорский акт
от 20/10 с.г. (свои слова) где говорится, что я много не делал по
ракетам и против техники и взор. Этот "акт" подписан
лицами никогда вообще не видевшими моих друзей в
друзьями, а двое из них никогда даже их не видели
(Автов, Калужкова). Цена такому акту" грош лаванды, а в
грамотной технической литературе мне было откано.
А по существу дела с 1955 г. (т.е. за 2 1/2 года) в совершении
почти области оборонной техники, на голом месте, в
полном в крайне тяжелых условиях лично с моими
товарищами по работе сделали несколько тысяч выбу-
щих научно-исследовательских образцов ракет (объемы 217, 218,
201 и 218), произведены десятки изобретений их в полете и
созданы изобретения на самолетах и лабораторных с
использованием результатов (свои слова) и делал эти работы НИИ

*Заявление С.П. Королева Верховному прокурору СССР.
Новочеркасская тюрьма, 29 ноября 1938 г.*

2. Более того, в обвинительном заключении указано, что в 1935 г. (?) я и инженер Глушко В.П. (арестован) взорвали ракетный самолет. Заявляю, что 27 июня 1938 года (день моего ареста) он, целый и невредимый, стоял в НИИ № 3. Все отчеты – см. дело 218. Эта работа большого оборонного значения и с моим арестом на ней не осталось никого, чего и добивались Костиков и др. А в 1935 году я его только начал разрабатывать и осуществил в 1937 году.

3. Далее, я обвиняюсь, что делал неверно расчеты объектов (например 201/301) и не разрабатывал теории. Это ложь. В делах объектов 212, 201, 218, 301 есть в НИИ-3 все расчеты. Они неоднократно проверены и приняты посторонними техническими приемщиками, о чем есть акты. Теоретические научные работы мои и других инженеров помещены в сборниках трудов НИИ-3 “Ракетная техника” № 1–5, журнале “Техника воздушного флота” № 7 за 1935 год и др. Всего не менее 10 работ.

4. В обвинении взяты все денежные суммы, которые были израсходованы на объекты и записаны как зря истраченные. Это, конечно, неверно, т. к. на эти деньги сделано немало полезного.

5. В обвинении указано, что я увеличивал с целью задержки число испытаний ракетного самолета – их было сделано

30 шт. полных и около 100 шт. лабораторных, включая и пробную заливку топлива и т. п. Нелепость обвинения ясна, т. к. даже автомобиль испытывают дольше и больше, а это все же первый ракетный самолет! В обвинении сказано, что я заставлял ракеты работать не 60 сек, а 1–2 секунды. Что это означает, вообще нельзя понять.

6. По приговору я обвиняюсь, что “задерживал образцы вооружения”. Но я никогда не работал еще над образцами вооружения, а вел лишь научно-исследовательскую работу, которая в будущем могла стать образцами. Понятно, что за 2¹/₂ года работы над новой, очень сложной технической проблемой нельзя дать образцы... И т. д. Можно еще привести ряд фактов, говорящих за себя и подтверждающих мою невиновность. Да иначе и быть не могло, т. к. меня заставили извратить правду и получились путаница и ложь. Следовательно своею безграмотностью и пристрастием только усугубили путаницу и ложь, в результате чего я осужден на тюрьму. Я прошу Вас пересмотреть мое дело, т. к. я хочу работать над ракетными самолетами, которые сейчас как никогда нужны СССР. Я полон сил, энергии, обладаю знаниями и опытом и желанием работать. Врагом нашей родины, партии и Советской власти я никогда не был. Я воспитан и вырос при Советской власти. Прошу снять с меня незаслуженное обвинение.

29. XI.38. С. Королев».

Приближался Новый, 1939 год. Прошло полгода после ареста отца, которые и ему, и его близким показались веч-

ностью. За это время у мамы появилось в волосах много седины, резко контрастировавшей с молодым лицом. Иногда она слышала, как люди, глядя на нее, говорили: «Такая молодая и уже седая». Эти реплики терзали ее и без того раненую душу, и она старалась все время закрывать голову – медицинским колпаком, шапкой, косынкой. Настроение было подавленное. Невольно вспоминались предыдущие встречи Нового года вместе с мужем и друзьями. Все это осталось в той, другой жизни, теперь уже такой далекой. Она купила и нарядила для меня маленькую елочку и хотела в новогодний вечер в одно время со мной и Лизой лечь спать, но Победоносцевы уговорили ее встретить Новый год в компании их друзей. Однако на душе было беспокойно, и сразу после двенадцати ночи она вернулась домой. Дверь оказалась запертой на цепочку, и вдруг, приоткрыв ее, мама почувствовала сильный запах газа. После отчаянного стука дверь открыла Лиза и тут же потеряла сознание. Мама бросилась ко мне, но все попытки разбудить меня оказались тщетными. Она поняла, что произошло отравление газом. И действительно – все краны газовой плиты на кухне были открыты. Как выяснилось наутро, к соседке из деревни приехала мать, которая впервые увидела газовую плиту и не умела ею пользоваться. На улице стоял сильный мороз, но мама распечатала заклеенные окна и открыла их настежь. Таким образом она спасла нам жизнь.

В начале 1939 г. мама, вернувшись с работы, обнаружи-

ла дома повестку в милицию. Ей надлежало срочно явиться туда с паспортом. Перед тем как пойти, она позвонила своим родителям и Марии Николаевне, предупредив их об этом неожиданном вызове. В милиции ей предложили пройти «не очень далеко отсюда» и дали для сопровождения милиционера. Он шел с ней рядом, а не сзади, как бывает при аресте, и это несколько успокаивало ее, хотя она не понимала, куда и зачем ее ведут. Они пришли к зданию теперешнего Биологического музея имени К.А. Тимирязева на Малой Грузинской улице и спустились в подвал, где находилось несколько комнат. Маму пригласили в одну из них. Сидевший там мужчина с любезной улыбкой предложил ей чай, а затем в довольно деликатной форме стал убеждать ее согласиться помогать НКВД. Он говорил, что она, красивая, интересная, сможет войти в доверие к любому человеку, что она и ее дочь ни в чем не будут нуждаться, что ее «оденут», снабдят билетами в любые театры, концерты, кино, но она должна будет ходить туда с тем, кого ей назовут. «Ну что вам стоит? – убеждал он. – Вы только расскажете нам потом, о чем там был разговор, мы же от вас ничего другого не требуем. Вы должны помочь нам, мы вам верим». На это мама ответила: «Нет. Такие поручения я выполнять не могу и не буду, я на это не способна». Он сказал, что даст ей время подумать. Но она думала только об одном: если ее не выпустят, надо, чтобы Софья Федоровна немедленно меня удочерила. В течение ночи сотрудник НКВД то оставлял ее одну, то снова уговаривал.

Но мама была непреклонна. Около пяти часов утра ее отпустили, взяв подписку о том, что она никогда никому об этом разговоре не расскажет. Мама в течение многих десятилетий соблюдала жесткое требование, хотя это было нелегко. Тем более что встреча с безымянным сотрудником НКВД оказалась не единственной (о трех других встречах мамы с ним я еще расскажу). А вот в Тимирязевский музей мама не ходила никогда, даже когда там бывали интересные выставки. У нее на всю жизнь остались об этом здании тяжелые воспоминания, которыми она поделилась со мной лишь в свои последние годы – ведь дала подписку!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.